

6

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. Н. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,*

С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский

советский
писатель

А Б А Й

СТИХОТВОРЕНИЯ
и
ПОЭМЫ

*Вступительная статья
и примечания
Г. М. Камбарбаевой*

*Общая редакция
В. С. А. Рождественского*

*М. Ф. Ахундов адына
Азербайжан Республика
КИТАБХАНАСЫ*

москва-ленинград
1 9 6 6

Абай Кунанбаев (1845—1904) — замечательный казахский поэт-просветитель, основоположник казахской национальной литературы и литературного языка. Настоящее издание объединяет все наиболее значительное из стихотворного наследия поэта. Наряду с переводами уже опубликованными, сюда вошли и новые переводы, выполненные видными советскими поэтами-переводчиками.

АБАЙ КУНАНБАЕВ

Чтоб скорбь на плечи не легла,
Чтобы в тупик не завела,
Душа, должна ты встрепенуться,
И, как птенец, на свет взглянуть,
И крыльями легко взмахнуть,
И снова — ввысь, и снова — в путь.
Тебе бы к небу дотянуться!

В этих стихах звучит основной мотив всего творчества Абая, классика казахской литературы, великого поэта, просветителя и мыслителя. Жадное стремление к познанию, присущее Абаю, выдвинуло его из косной и невежественной среды и сделало одним из самых образованных казахов своего времени.

Абай, живший во второй половине XIX века, на окраине России, далеко от культурных центров, от очагов передовой общественной мысли, в силу своей необычайной одаренности сумел критически подойти к оценке окружавшей его действительности.

Исключительной заслугой его перед народом явилось то, что он одним из первых во весь голос заговорил о необходимости сближения с русскими, с их культурой. В этом он видел единственно верный путь, который должен был вывести его соотечественников из вековой отсталости. Абай страстно бичевал казахских баев, биев (судей), управителей и родовых старейшин — всех, кто препятствовал движению народа к прогрессу. Он был неутомимым борцом за просвещение. Конечно, перебороть патриархальные традиции, дикость и невежество феодалов было не под силу одному человеку, и у Абая уже на склоне лет порой вырывались горькие жалобы на свое бессилие:

Я гордо презирал невежество и тьму,
Всегда считал глупцов достойными
презрения.

Мне переделать мир хотелось одному,
Но переоценил я разум свой и рвенья.

Однако мысли, мечты поэта, те добрые семена, которые были брошены им, дали бурные всходы спустя всего лишь два десятилетия после его смерти. Абай заронил в сердца лучшей части казахской молодежи чувство неудовлетворенности, жажду к знаниям, стремление выйти на широкую дорогу социального и культурного развития. Всем этим дорог нам Абай, близок и современен.

Абай (Ибрагим) Кунанбаев родился в 1845 г., в Чингизских горах Семипалатинской области, в кочевьях рода Тобыкты, в той местности, которая была хранительницей многих прекрасных легенд и сказаний казахского народа. Отец Абая Кунанбай, как и его дед Ускембай, был старейшиной рода. Ускембая знали как человека незаурядных способностей, остроумного и красноречивого. И дед и отец Абая настойчиво добивались принятия казахами российского подданства. Это факт знаменательный, ибо многие предшествующие правители категорически выступали против присоединения Казахстана к России. Кунанбай остро ощущал также и необходимость изучения русского языка, но наряду с этим он твердо придерживался ислама.

Сам поэт и его отец Кунанбай в основном известны читателю по замечательному роману Мухтара Ауэзова «Путь Абая». Но роман Ауэзова не историческая хроника, а произведение художественное, и автор во многом волен был создавать характеры людей по-своему, исходя из определенного замысла, идеи, своего миропонимания, тем более что об этих людях не сохранилось почти никаких письменных свидетельств. (М. Ауэзов при создании романа в основном пользовался устными рассказами). Среди сравнительно немногих свидетельств современников интересным представляется замечание о Кунанбае польского революционера Адольфа Янушке-

вича, в течение нескольких лет жившего в казахских степях и оставившего книгу «Письма из киргизских степей».¹

В одном из своих писем к известному польскому поэту-романтику Густаву Зелинскому А. Янушкевич писал о Кунанбае: «Сын простого киргиза, одаренный природой здравым разумом, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о добре своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний Алкорана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся киргизов (казахов), судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плетей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодой и старый, богатый и бедный». Но несмотря на такую блестящую характеристику, не надо забывать, что Кунанбай был все-таки типичным представителем феодальной верхушки.

Будущий поэт вырос в среде, где еще сохранялись обычаи, крайне унижительные для женщины-казашки (многоженство, калым, аменгерство — обычай, по которому вдова должна была выйти замуж за брата покойного мужа). У Кунанбая было четыре жены, вторая жена Улжан — мать Абая. Вражда между женами-со-

¹ Этот источник стал известен благодаря недавним публикациям Ф. И. Стекловой: «Неведомые страницы далекого прошлого» и «Из глубины веков» в газете «Казах адабиети», 1964, 28 февраля, 6 марта.

перницами и между детьми, родившимися от разных жен, характерна для полигамных семей. И семья, в которой родился Абай, не была исключением. Лишь чуткое внимание и забота матери, женщины рассудительной и доброй, и мудрой бабушки Зере скрашивали гнетущую обстановку в семье и делали жизнь мальчика относительно интересной. Искренне любившие Абая, эти женщины старались оградить его от тягот семейного быта.

Первоначальное образование Абай получил у аульного муллы. Когда же ему исполнилось десять лет, отец определил его в семипалатинское медресе муллы Ахмет-Ризы, где он проучился три года.

Несмотря на богословско-схоластический характер учения, и этих трех лет было достаточно для любознательного и пытливого мальчика, чтобы в какой-то мере удовлетворить его воображение, ибо, как известно, «многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом».¹

В эти же годы Абай знакомится с классиками поэзии Ближнего Востока: Фирдоуси, Низами, Саади, Хафизом и другими. Они расширили круг его эстетических представлений и оставили неизгладимый след в дальнейшей творческой деятельности. Абай изучает восточные языки. Появ-

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 2, М., 1957, с. 213. Примечания к «Подражаниям Корану».

ляется заветное желание — изучить русский язык, познакомиться с русской культурой. И он, вопреки строгому режиму медресе, стал посещать русскую школу. Всего три месяца проучился мальчик в этой школе, но какое благотворное влияние оказали эти месяцы на всю последующую жизнь поэта!

Абаю не удалось завершить обучение в медресе, отец решил, что уже приобретенных знаний будет достаточно для того, чтобы сделать сына своим преемником. Необычайная одаренность мальчика, его красноречие и остроумие, умение ловко сокрушать в спорах своих противников вызвали гордость в Кунанбае, вселяли веру в то, что сын его в будущем станет знаменитым казахским бием, верным защитником интересов своего рода. Но надежды отца не оправдались. Насильно втянутый в межродовые распри, Абай при разборе тяжёбных дел показал себя беспристрастным судьей, поборником правды. Приговоры, которые он выносил, очень часто шли вразрез с интересами отца и феодалов. Это, естественно, не могло нравиться Кунанбаю. Не нравилось ему и то, что сын в интересах простого народа вмешивался в выборы волостных управителей, вставал на сторону бедняков, защищал человеческое достоинство женщины. Раздражала Кунанбая простота и доступность сына в его общении с беднотой.

Абая же в свою очередь огорчали жестокость и несправедливость отца. Между ними возникали

частые разногласия, которые в конце концов привели к разрыву.

После разрыва с отцом Абай был волен самостоятельно определить свою дальнейшую судьбу. И он выбирает тернистый путь поэта, борца за интересы своих соотечественников. С этих пор (ему уже исполнилось тридцать лет) жизнь его становится необычайно напряженной и содержательной.

По свидетельству современников, Абай начал сочинять стихи очень рано, но многие из ранних стихов поэта до нас не дошли. Юноша не придавал особого значения своим произведениям и, по-видимому, не сохранял их. Seriously к своей поэтической деятельности он стал относиться уже в зрелом возрасте. Это был как раз тот период (конец 1870-х и 1880-е годы), когда он особенно интенсивно и плодотворно занимался изучением фольклора, произведений восточной классики и главным образом русской литературы.

Абай теперь отчетливо видел губительность межродовых раздоров, которые неимоверной тяжестью ложились на плечи народа. Ответы на мучившие его социальные вопросы он ищет в передовой русской литературе. Интерес к ней побуждал его часто бывать в Семипалатинской публичной библиотеке. В основном Абаю приходилось жить в ауле, в типичном кочевом казахском ауле, поэтому поездки в Семипалатинск были для него самыми светлыми и счастливыми днями в жизни. Семипалатинск тех лет был городом несколько необычным: с одной стороны,

это был крупный торговый центр, через который из Европы и России отправлялись товары в Китай, с другой — для царского самодержавия город был местом ссылки, куда отправлялись политически неблагонадежные люди. Русским ссыльным, в основном людям передовых взглядов, Семипалатинск казался диким и отсталым краем. Абая же Семипалатинск открывал возможность приобщиться к культуре.

В одно из своих посещений библиотеки Абай познакомился с русскими политическими ссыльными Е. П. Михаэлисом, М. И. Долгополовым и другими.

Е. П. Михаэлис был высокообразованным человеком, известным ученым, одним из последователей великого демократа-просветителя Н. Г. Чернышевского, поэтому общение Абая с ним, а затем и дружба, естественно, оказали благотворное влияние на мировоззрение поэта. «Господин Михаэлис открыл мне глаза на мир», — говорил Абай. Наряду с чтением русских классиков поэт начинает увлекаться научной литературой (Спенсер, Милль, Дарвин).

«С исключительным вниманием и отзывчивостью, — писал М. Ауэзов, — русские друзья помогали самообразованию Абая, подбирая для него книги и отвечая на его вопросы. Считая просвещение одним из важных средств в подготовке народа к борьбе с царизмом, эти представители русской демократической интеллигенции постепенно становились первыми распространителями культуры в отсталой окраине, ревните-

лями преобразования жизни и быта. Осталось много трудов по различным отраслям знания, написанных Михаэлисом и Леонтьевым, свидетельствующих об их просветительской деятельности».¹

Абай еще до сближения с русской демократически настроенной интеллигенцией был увлечен освободительными идеями и высоким гуманизмом русской литературы. Теперь же поэт видит в сближении казахской национальной культуры с культурой русской одно из средств преобразования жизни. Позже в своих «назиданиях» он писал: «Главное — научиться русской науке... Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза».²

Абай не только сам знакомился с творениями Пушкина, Лермонтова, Крылова, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, но был и первым человеком, который своими переводами сделал доступными для казахов русских классиков.

Первый биограф Абая, Какитай Исхаков, отмечал, что именно 1889—1890-е годы были наиболее плодотворными в творческой деятельности поэта. Наряду с созданием оригинальных произведений Абай в это время переводит отрывки из «Евгения Онегина» и создает к ним мелодии. Знаменательно, что письма Татьяны и Онегина

¹ М. Ауэзов, Великий поэт казахского народа Абай Кунанбаев, М., 1954, с. 7.

² Абай Кунанбаев, Стихотворения. Поэмы. Проза, М., 1954, с. 365.

в абаевском переводе и с абаевскими мелодиями стали популярными песнями среди казахской молодежи, а имя Татьяны (в казахской транскрипции «Тана») стало родным для казахов именем. «Письмо Татьяны» пели не только молодые, но и старые певцы. Так, например, об этом свидетельствует Д. Львович в своих путевых записках: «Признаюсь, сразу я собственным ушам не поверил. Вообразите только, старый киргиз распевал не более не менее как письмо Татьяны к Онегину... Письмо также имело всеобщий успех...»¹

Абай был композитором, знатоком и ценителем народной мелодии и не мог не восхищаться, по выражению Р. Роллана, «этим цветением прекрасных и здоровых мелодий, которые украшают степь».² Собственные мелодии Абая и по сей день пользуются большой любовью («Ты — зрачок глаз моих...», «Шлю, тонкобровая, привет...»).

Имя Абая, как человека мудрого и справедливого, как поэта, мыслителя и композитора, становится все более популярным. Его стихи несли в степь и распространяли прославленные казахские певцы, такие, как Биржан, Сара, Куандык, и другие. В аул к нему съезжаются соплеменники из разных мест за добрым советом. Приезжают к нему и прогрессивно настроенные

люди, вокруг поэта группируется лучшая часть казахской молодежи, поэты и певцы, среди них и сыновья Абая — Акилбай и Магавья.

Окружение Абая, симпатии, которые питала к нему передовая казахская молодежь и простой народ, его связи и дружба с русскими — все это вызывало ненависть со стороны феодальной знати. Феодалы видели в лице поэта своего личного врага, а в его речах выпад против дедовских заветов, против свято хранимых родовых традиций, веками господствовавших у казахов.

Известно, что поэту приходилось жить в атмосфере страшной озлобленности и клеветы. Травили его друзья, против него восстанавливали самых близких родственников. Было даже организовано покушение на жизнь поэта в 1897 году. Именно в эти годы были написаны горькие строки:

Разрознен мой родной народ,
Расколот, разобщен.
Мне жить спокойно не дает
Вражда со всех сторон.

От родовых старшин и управителей шли в Семипалатинск к губернатору многочисленные доносы. Губернатор, прекрасно знавший о популярности поэта, ограничился лишь тем, что прекратил переписку Абая с русскими ссыльными, изолировав его таким образом от «неблагонадежных» людей.

¹ Д. М. Львович, По киргизской степи, Пг., 1914, с. 109.

² М. Затаевич, 1000 песен киргизского народа.

С одной стороны, признание и огромная любовь народа, с другой — ненависть степных властей к поэту постоянно напоминали ему о страшной несправедливости в устройстве мира, разделенного на богатых и бедных, о том, как сложна и труднодостижима цель (освобождение народа от бесправия и невежества), в которой он видел смысл своей жизни.

К разочарованности, к сознанию своего одиночества и бессилия прибавилось еще большое личное горе — смерть сына Абдрахмана (1868—1895), на которого поэт возлагал большие надежды («Он был вестник новых лет...»). Абдрахман получил русское образование (другой сын Магавья и дочь Гульбадан тоже учились в русской школе), он окончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге и некоторое время прослужил в чине поручика. Умер он от туберкулеза. На смерть сына Абай написал много проникновенных и горестных строк. Поэт очень тяжело перенес эту утрату, в его сознании смерть Абдрахмана ассоциировалась с угасанием надежд и стремлений: «Не сбылись надежды, нет!..»

Оправившись от горя, Абай все свои надежды возложил на другого сына — талантливого поэта Магавья (1870—1904). Преждевременную гибель этого сына он уже не смог перенести: на 60-м году жизни (1904), раздавленный горем, спустя всего лишь сорок дней после смерти Магавья Абай умирает.

Литературное наследие Абая составляют стихи, поэмы, стихотворные переводы и переложения, прозаические «назидания».

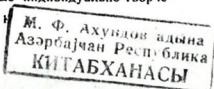
Исследователи, занимающиеся изучением творчества поэта, единодушны при определении его места в истории нашей культуры: Абай является основоположником реалистической письменной литературы и родоначальником казахского литературного языка.

Казахский народ имеет богатый фольклор, складывавшийся в течение многих веков. Еще до Абая и при его жизни были записаны и опубликованы эпические поэмы: «Козы Корпеш-Баян Слук», «Камбар», «Кыз-Жибек» и другие, язык которых в основе своей был общенародным. Широко распространялись в степи и многочисленные устные легенды и сказания Востока.

Наряду с развитием фольклора уже в XVIII веке зарождается индивидуальная поэзия. Начало ее связывают с именем Бухар-Жираву (1693—1787), придворного акына хана Аблая.

Первая половина XIX века была отмечена распространением поэзии «заманов» («Зар-заман» — «эпоха скорби»). Поэты этого направления выступали против присоединения Казахстана к России и призывали к возрождению ханско-феодалных порядков. Среди них наиболее значительное место принадлежит Шортамбаю Канаяву (1808—1871).

Несмотря на некоторые индивидуально-творче-

ские тенденции, обнаруживающиеся в произведениях акынов разных направлений, вся поэзия доабаяевского периода мало чем отличалась от устного народного творчества. Акыны не стремились к индивидуализации своей поэтической речи. Индивидуальность того или иного поэта не проявлялась еще по той причине, что их произведения не записывались, а распространялись устно, а это обстоятельство в известной мере способствовало утрате творческого своеобразия конкретных произведений. Круг тем, идей, используемых словесных образов в основном был единообразным, традиционным и для фольклора и для поэзии книжного происхождения. Тем не менее в свое время творчество Бухар-Жирау, Шортамбая и других сыграло известную роль в литературном процессе, подготовив почву для возникновения письменной литературы.

В молодости Абай хорошо знал произведения этих поэтов. Впоследствии, придя к своему пониманию искусства, поэт осуждает их за бедность мысли, за оторванность их поэзии от действительности, за ее малодоступность:

Шортамбай, Бухар-Жирау и Дулат —
Они певцы лоскутных мыслей.

(Подстрочный перевод)

Абай видит, что в лучшем случае их произведения — это вариации на темы и мотивы фольклора, что в их стихах нет четкого социального задания, не раскрывается творческая индивидуальность художника.

Коль вспомнить, что за речь была у стариков,
Увидишь, сколько там пословиц между слов.
Поэты прошлого невежды и глупцы,
Ничтожны их слова и мысли прост покров.

Большое значение придавалось в казахской степи ораторскому искусству, которое в основном использовалось при разрешении тяжб. Исход дела часто зависел от красноречия того или иного бия. Блистательные речи отдельных биев, которые могли обеспечить им успех дела, были оригинальным видом словесного искусства. Сам Абай при жизни снискал себе славу незаурядного оратора. Школа народного красноречия имела значение для формирования поэтического стиля Абая.

Действительность, в которую пристально всматривается поэт, фольклор, а главное — природный ум способствовали формированию мировоззрения Абая, решительно отличающего его и от предшествующих и от современных ему поэтов.

Первоначальные эстетические представления поэт получает в те годы, когда он обучается в семипалатинском медресе. В своем общении с классической поэзией Ближнего Востока Абай прошел сначала период ученичества, подражания Фирдоуси, Низами, Навои, Саади и другим. Позднее его связи с классикой становятся более осмысленными и глубокими.

Шамси, Саади, Физули,
Хафиз, Навои, Сайхали,

Фирдоуси — молодому поэту,
Великие, вы помогли! —

так написал Абай в четырнадцатилетнем возрасте. Тогда именно и были написаны им первые стихи в форме газели и «аруз». И язык, в котором преобладали арабо-иранские слова, и метр, интонация, и напыщенный стиль — все это было выдержано в традиционном духе. Эти стихи без перевода многих слов («чагатайского» языка) были непонятны современникам. Таким языком и был язык казахской письменной литературы XIX столетия — совершенно недоступный народным массам. «Специфика этого письменного, книжного языка в том, что он представлял в лексическом отношении пеструю смесь элементов арабского, персидского и тюркских языков»¹.

Вскоре Абай избавляется от подражательности, а это приводит и к обновлению литературного языка. Однако культура Востока давала огромную духовную пищу для формирования таланта юноши. Не случайно позднее поэт не раз будет возвращаться к темам и мотивам этой поэзии. Афористичность стиля Абая, философичность, широта взгляда — все это, пожалуй, идет от поэтической школы Востока.

О влиянии восточной литературы на казахскую свидетельствуют и некоторые элементы поэтики,

¹ С. Кенесбаев, Развитие казахского литературного языка в советское время. — «М. О. Ауэзову, сб. статей к его 60-летию», изд. АН КазССР, 1959, с. 56.

само отношение к лирике как жанру. Цель поэтического произведения (речь идет о религиозно-философской лирике) чаще всего поучительная — оно призвано разъяснить читателю определенные нравственные принципы. Вопреки такому представлению о роли поэзии, Абай утверждает в своем творчестве новое понимание задач искусства («иные у меня слова, иная цель»). Его назначение поэт видит в том, чтобы способствовать улучшению жизни людей, в том, чтобы облагодетельствовать человека:

Я стихов не пишу для забав людских,
Чтоб побольше собрать небылиц былых,
Я пишу, чтоб чему-нибудь научить
Тех, кто молод и чуток, как сам поэт.
Верхогляду речей моих не оценить,
Только чуткому сердцу я шлю привет.

А истинный поэт — это защитник своего народа, его совесть. Это была принципиальная позиция, которую занимал Абай на протяжении всей своей творческой жизни.

Стянет потуже поэт свой стан,
Вдаль посмотрит — назад и вперед, —
Каждое слово, как талисман,
К мысли заветной он подберет.

Взглянет он зорче степного орла,
Струны раздумья в душе теребя,
Против невежества, против зла
Он обращает свой гнев, скорбя.

Отсюда и своеобразие его дидактизма. В отличие от поэзии предшественников, в произведениях которых делались выводы общего порядка, формулировались определенные религиозные принципы и нравственные нормы, дидактизм Абая — это прежде всего обобщение жизненного опыта. В основе житейской мудрости лежат знания и опыт человека образованного, талантливого, стоящего намного выше своих соотечественников, чуткого ко всему прогрессивному. В таких стихах, как «Пока не знаешь — молчи...», «В уютской школе много вас...», «Только юность одна — жизни счастливый цвет...» и т. п., где особенно ярко выражены дидактические тенденции, поэт, взволнованно обращаясь к молодежи с призывом учиться и трудиться, как бы раскрывает перед нею жизненную программу:

Чтоб человеком ты был
И вровень с веком ты был,
Ты пятерых побори
И пятерых избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Безделье и мотовство —
Вот пять врагов твоих, знай.
А разум и доброты,
Упорство, скромность и труд —
Вот пять друзей, согласись.

В соответствии со своей ориентацией на массы Абай делает нормой литературного языка язык общенародный, словарное богатство которого он сумел оценить и максимально использовать. Уже

в ранних произведениях (в стихах 80-х годов), особенно в тех, в которых отразились черты кочевого быта, несмотря на щедрое использование поэтики фольклора, Абай обнаруживает творческую самостоятельность. Так, в стихотворении «Всадник с беркутом...» мы встречаем ряд традиционных эпитетов («черный беркут», «красная лиса», «белый снег», «белоснежное тело», «румяное лицо») и сравнений (лиса — «царица земли», беркут — «небесный царь»), которые, однако, подчиняются определенной поэтической задаче и придают стихам необычайную изобразительность. Абай здесь дает не просто колоритное описание охоты, но и раскрывает характеры и переживания ее участников. В целом — это произведение уже чисто книжное, несмотря на фольклорное происхождение многих художественных приемов.

Стремление к более широкому охвату действительности породило в поэтическом творчестве Абая многообразные по характеру жанры — социальной, философской, пейзажной и интимной лирики. Но этим не исчерпывается многоплановая поэзия Абая. По-инному, творчески обновленными предстают и популярные в народной поэзии жанры — письма-послания, любовно-лирическая песня, плачи (как известно, распространенные и в русском фольклоре). Так, исходя из традиционного народного плача, поэт создает, например, литературный жанр, произведение типа элегии.

Поэтическое новаторство Абая проявилось не только в новизне языка и стиля, но прежде всего

в тематике, в содержании произведений, охватывающих все стороны жизни, и главное — в самом принципе отбора и отображения жизненного материала. Абай создает общественно-политическую лирику. Ее обличительный пафос и острая социальная направленность идут от передовой русской литературы. Именно последняя помогла поэту в формировании метода и приемов отображения действительности.

Во многих стихах на социальные темы Абай изображает жизненный уклад казахов. В них звучит, с одной стороны, глубокая тревога за судьбы своих соотечественников:

О казахи мои! Мой бедный народ.
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь — на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.

С другой — ненависть к тем, в ком поэт видит главное зло, причину народных бедствий. Это — бай, бии, муллы и волостные управители:

Весь этот сброд
Мутит народ,
Повсюду ложь, обман.
Стал баем — сват,
Стал бием — брат,
И норовит в карман.

Алчность, дикость и невежество, приверженность закоснелым обычаям, страсть к наживе, взяточничество — вот основные черты степных воротил, которых непримиримо бичует поэт.

Именно они и были хозяевами народа, а это возмущало Абая, отзывалось болью в его сердце.

В стихах Абая совершенно по-новому говорится о жизни и смерти, любви и ненависти, чести и совести, о человеческом долге и т. п. И о чем бы ни писал Абай, он всегда выражал веру в возможность человека. «Если б в моих руках была власть, — говорил поэт в своих «назиданиях», — я отрезал бы язык всякому, кто говорит, что человек неисправим». Вот почему во многих произведениях Абая выражается настойчивое желание помочь человеку совершенствоваться. И вот почему одной из главнейших задач для поэта, стремившегося изменить существующий порядок, было раскрыть в жизни своих соплеменников, в их характере и психологии все пережиточное, связанное с вековыми патриархальными традициями.

Беспощадно высмеивает поэт в своих стихах неравный брак («Красотка девушка у хана жила...»), столь распространенное явление на всем мусульманском Востоке. Страстно защищает Абай свободу женщины и утверждает ее право выбирать себе возлюбленного. В его произведениях открывается мир чистых, искренних отношений между юношей и девушкой, бескорыстных, основанных на любви и взаимном уважении. В любовной лирике поэт выступает и как наблюдательный психолог, передающий оттенки человеческих чувств и переживаний, раскрывающий внутренний мир своих героев. Абай воспевает открытую, возвышающую человека любовь:

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

Такие произведения Абая, как «Лето», «Осень», «Ноябрь — преддверие зимы...», «Зима», «Весна», положили в казахской поэзии начало пейзажной лирике. В них рисуются картины кочевого быта казахов в разные времена года. Здесь поражает прежде всего умение выделить самое характерное в природе и в быту людей, удивительная наблюдательность, точность видения и ясность восприятия мира.

3

Творческой зрелости поэт достигает в 1890-е годы. Анализ произведений этого периода дает основание считать, что в них все заметнее проявляются и утверждаются принципы критического реализма.

В предшествующие годы Абай плодотворно работал над переводами произведений русских классиков. Перу его, как уже говорилось, принадлежат стихотворные переводы и переложения отрывков из «Евгения Онегина», несколько стихотворений М. Лермонтова, басен И. Крылова. Знаменательно его обращение к И. Бунину (конец 1890-х годов), тогда еще начинающему и никому не известному поэту (Абай перевел его стихотворение «Не пугай меня грозю...»), — это

свидетельствует о большом внимании казахского поэта к современной ему русской литературе, о его необыкновенной чуткости ко всему подлинно поэтическому. Многие из переводов Абая и по сей день являются непревзойденными по мастерству (это прежде всего переводы из Лермонтова: «Дума», «Из Гете», «Кинжал», «В альбом» и др.). Абай не случайно особенно много переводил Лермонтова. Он обращался к тем именно произведениям поэта, которые были особенно близки его настроениям и чувствам, в которых затрагивались проблемы, волновавшие и его самого. Такие характерные для поэзии Лермонтова темы, как неудовлетворенность современной ему действительностью, обличение социальной несправедливости, тема поэта-гражданина, тема одиночества духовно богатой натуры в чуждом ей обществе, проходят и через творчество казахского поэта.

О близости Абаю поэтических традиций Пушкина и Лермонтова свидетельствует и его взгляд на поэзию. Настоящее поэтическое произведение, по убеждениям Абая, рождается не в результате перепевов легенд и сказаний, а в результате непосредственного проникновения в жизнь и правдивого отображения действительности. Не каждый акын-импровизатор может считаться поэтом, а только тот, кто пробуждает благородные стремления. А само поэтическое творчество — это высокое искусство («Стих — это вожьдь средь слов, ценнейший их убор...»), доступное лишь тому, кто сочетает в себе талант, ум и знания.

Пусть каждый борется, чтоб стих создать живой,
И пусть избранных он радует собой.
Но редко может кто составить звонкий стих,
На вид — серебряный, по сути — золотой.

Абай не только вносил в казахскую литературу новые представления, мысли и чувства: рисуя казахскую действительность второй половины XIX века, он реалистически стремится выделить в изображении народа и его отдельных представителей самое характерное и достигает на этом пути больших художественных обобщений.

В целом ряде произведений Абая («Кулебаю», «Вот и выбран я волостным...», «Управитель начальству рад...» и др.) раскрываются типичные характеры представителей высшего сословия казахского общества, в частности волостных управителей.

По административно-территориальному делению Казахстана прошлого столетия каждый уезд (подразделение области) делился на волости (охватывающие до 200 хозяйств), во главе которых ставились выборные волостные управители, как правило из крупных баев. Из произведений Абая читатель получает ясное представление о бесчестном ходе выборов, а главное — о людях, жаждущих власти («Как услышу я: будет съезд — Бьется сердце мое сильней...») и добивающихся ее любую ценой.

«Мне ведь некогда отдохнуть,
Я с утра до ночной поры
То вперед несусь, то назад,

Развеается конский хвост,
Расстегнулся на мне халат;
Чтоб уездный видел мой труд,
Всех ругать я готов подряд,
Рассыпаю удары я —
Убегают и стар и млад...»

Поэт подмечает наиболее существенные черты во внешнем и внутреннем облике таких людей и в результате создает художественно-обобщенный образ, сила которого в его достоверности.

Ясно вырисовывается характер и лирического героя, его настроения и переживания. Лирический герой произведений Абая — это прежде всего необычайно целеустремленный человек, искренне борющийся за счастье своего народа.

С большим вниманием относился поэт к характерным деталям быта и обычаям народа. Он умело использовал, казалось бы, незначительные подробности для воссоздания целостной картины жизни своих соплеменников. Вот, например, сделанный несколькими штрихами портрет бездельника, заботящегося лишь о своей внешности:

Ходит он вразвалку, важно, подвязавшись
кушаком.
Дорогой чапан суконный хорошо сидит на нем.
Малахай свой покрасивей он старается надеть,
Захвatal его руками, мех повытерся кругом.

Так же экономно сделан выразительный образ старика бедняка, эпизодического персонажа в стихотворении «Лето»:

Старец дряхлый в белой рубашке
Кричит чабанам: «Отгоните скот!»
Мечтает бедняга, что бай позовет
И угостит кумысом и барашком.

Уменье Абая путем описания внешнего облика человека, его поведения дать представление о наиболее существенном в его характере, поступках свидетельствует о даре реалиста и склонности поэта к эпическим приемам построения образа. Наличие этого эпического элемента в лирике Абая способствовало художественному открытию в его произведениях жизни казахов.

Абай хорошо понимал, что политическая, экономическая и культурная отсталость его народа связана с кочевым образом жизни, с отсталым способом производства. Он делает многое, чтобы помочь избавиться своему народу от косных нравов, от бескультурья и темноты. Целенаправленность творчества Абая в том и заключалась, что он стремился своим поэтическим словом довести до сознания соотечественников необходимость изменения существующего строя. Однако в вопросах переустройства общества поэт стоял на позициях чисто просветительских. Не революционное изменение существующих социальных отношений, а учение и труд, по мысли Абая, — главные средства, которые могут способствовать улучшению жизни. А о том, чему и как учиться, поэт говорит в своих «назиданиях»: «Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получишь его, жизнь твоя станет легче.

Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь от угнетения» (25-е слово).

Прогресс не мыслится Абаем без просвещения:

Лишь знаньем жив человек,
Лишь знаньем движется век!
Лишь знанье — светоч сердец!

Абай унаследовал лучшие черты русского просветительства. Историческая ограниченность его взглядов объясняется историческими особенностями жизни казахов: отсутствием четкой классовой дифференциации казахского общества, территориальной отдаленностью от центров революционного движения. Если просветительские идеи русских революционных демократов нашли отзыв в душе Абая, то их стремление изменить существующий строй путем переворота не находит у него должного отклика. Абай искренне верил, что причиной общественного неурядиства является дикость и невежество людей, что его можно устранить путем просвещения. Такую именно задачу ставили перед собой и решали и другие великие просветители казахского народа: крупный ученый и известный путешественник Чокан Валиханов (1835—1865) и выдающийся педагог Ибрай Алтынсарин (1841—1899).

Самой характерной чертой просветительства является вера в преобразующую силу разума, в силу слова. Абай как поэт придавал этому огромное значение. Именно просветительская

установка определяла ораторскую интонацию многих его произведений. Глубоко идейная и совершенная по форме поэзия Абая оказывала сильное воздействие на передовую казахскую молодежь, будила в ней интерес к знаниям, способствовала выработке мировоззрения.

В свое время поэт выступал с требованиями реформ в управлении степью. Он верил в силу справедливых и умных управителей. Этим, пожалуй, и объясняется его пребывание в течение трех лет (1875—1878) в должности волостного управителя и его активное участие в выборах. Однако вскоре Абай убеждается, что одному ему не по силам выдержать сопротивление крупных феодалов, удачно использовавших в своих интересах темноту народных масс и создававших вокруг поэта атмосферу ненависти.

До последних дней своей жизни Абай оставался верен своим убеждениям, верил, что людей нужно и можно перевоспитать. Несмотря на то что в середине 90-х годов в его творчестве появляются мотивы разочарованности в своем народе («Но из народов вы — болтливейший народ»), признание своего бессилия и одиночества («Чужим я чувствую себя среди стариков»), он никогда не отказывался от своих просветительских задач, не терял надежды на то, что его слова все-таки найдут дорогу к уму и сердцу народа:

О, не упорствуй так, народ упрямый мой,
Моих речей пойми, подумав, смысл прямой.

Быть может, для себя в них пользу
ты найдешь,
Не для забавы здесь я говорю пустой.

Как уже упоминалось, тяжелым испытанием для Абая в этот период была смерть его сына Абдрахмана. Глубокие переживания поэта нашли отражение в особом цикле стихов, посвященных сыну. Это скорбные лирические излияния, раздумья о смысле жизни и бренности бытия, о боге и божественном промысле в создании мира. Произведения этого цикла отражают противоречивость воззрений Абая на мир и бытие, свидетельствуют об усилении религиозных чувств и настроений у поэта.

Поэт все чаще говорит о наступающей старости («Вот и осень моя подошла»), с болью и грустью вспоминает безвозвратно ушедшие годы молодости, вместе с которыми остались позади высокие помыслы и устремления, мечты «перелетать мир». Однако он еще полон желаний творить, полон веры в счастливое будущее: «Весна — впереди, позади — холода, Веселье — в грядущем, в былом — беда». Он утверждает бессмертие истинного художественного творчества, создает образ поэта, который силой своего вдохновения и мысли преобразует окружающий мир:

Многообразьем красот искрясь,
Весь зажурчит, как горный ручей,
С сердца отмоется будней грязь,
И упадет пелена с очей.

Уподобляя поэта горному ручью, смывающему грязь с людей, открывающему им глаза на мир, Абай раскрывает высокий смысл подлинного искусства.

С новой силой ставятся и воплощаются в творчестве поэта темы человеческого долга и ответственности, силы познания, науки и религии. В этих произведениях особенно ярко выявляется противоречивость мировоззрения Абая. С одной стороны, поэт резко обличает ханжество вероучителей, высмеивает каноны ислама, с другой — пишет, что «лишь одному творцу подвластен этот мир».

Многие произведения последних лет, написанные рукой большого художника, явились итогом напряженной жизни, поисков и раздумий, веры и сомнений человека сильного, но одинокого. Эти стихотворения воспринимаются как исповедь, как откровение деятеля, «изверившегося во всем», лучшие устремления которого осквернились теми людьми, для кого он был ненавистен.

Все чаще поэт говорит о бесплодности своих стараний и желаний («И вспомни величье былое желаний бесплодных твоих»), о несбывшихся мечтах («Я так долго мечтал — обманули мечты»), о приближающейся смерти («И душа устала, друзья. Одряхлел я, тянет ко сну...»). Между тем через все творчество Абая проходит любовь к человеку и ко всему прекрасному в этом мире («Люби человека, люби красоту, — Что мог бы еще назвать благом язык»), — и в этом животворный источник его поэзии.

Одной из особенностей Абая как поэта является его тяготение к меткому, образному слову, к лаконизму художественной формы, тяготение, пронизывающее все элементы его поэтического творчества.

Поэзия Абая, отличающаяся исключительной простотой и изяществом художественных приемов, является пример высокого мастерства и таланта поэта.

Как уже было сказано, в ранний период своего творчества Абай использовал традиционные художественные приемы (фольклорные эпитеты, метафоры, сравнения), переосмысляя их и подчиняя определенной поэтической задаче. В лирике 80-х годов, в частности в лирике пейзажной и любовной, поэт поражает свежестью и образностью стиля, который с большой точностью передает мир сложных чувств и мыслей.

Позднее в его творчестве усиливается тяготение к реалистическим средствам изобразительности, поэт вырабатывает своеобразную стилиевую структуру, которая отвечала его просветительским задачам.

Часто прибегал он к использованию пословиц и поговорок, как правило видоизменяя и подчиняя их общему замыслу. Абай и сам был создателем многих изречений, которые воспринимаются как пословицы. Достаточно вспомнить стихотворение «Пока не знаешь — молчи...» (кстати, переводчица М. Петровых удачно воссоздает афористичность стиля этого произведения), «Тридцать седьмое слово» из «назиданий» и др. ...

Такие, например, абаевские изречения, как «Человек — дитя своего времени. Но если ты дурен, не обвиняй в этом своих современников», «Как ни прекрасна мысль, но, пройдя через уста, она бледнеет», и другие прочно вошли в наш быт.

В тех случаях, когда это обогащало его родной язык, поэт использовал иноязычные слова — русские (адвокат, прошение, здравомыслящий, военный) и арабские («махаббат» — любовь, «гылым» — наука). От Абая ведут начало в казахском литературном языке такие слова, как «искусный» (онерпаз), «поклонник искусства» (асемпаз), «чувствительный» (сезимпаз), «говорун» (совуар), и многие другие.

Абай, постоянно совершенствуя свое мастерство, открывал новые и новые средства изобразительности и выразительности.

Художественное мастерство поэта проявилось и в новаторстве стихотворной формы.

Казахское стихосложение является силлабическим, в основе его лежит принцип слогового равенства. Наиболее распространенные формы казахского стиха — олен и жыр (одинадцатисложник и семи-восьмисложник). Ритмоорганизующую роль в казахском стихе играет слоговая группа. От разнообразного сочетания слоговых групп в строке зависит и ритмическое движение стиха (3+4+4; или 4+3+4; или 4+4+3 и т. д.). Наиболее характерным способом рифмовки для казахского стиха является рифмовка ааба, употребляется и монорифма, т. е. сквозная рифма, связывающая все строки стихотворения.

Мастерство Абая в области стиха, введение им новых форм в казахском стихосложении было «связано с общей реалистической направленностью его творчества».¹

Новаторство Абая заключалось не столько в том, что он ввел новые стихотворные формы, сколько в том, что, придерживаясь основных принципов казахского стихосложения, он сумел открыть новые пути для широкого использования возможностей родного языка.

Многие стихотворения поэта написаны одинадцатисложным размером, именно тем вариантом, который был популярен в народной поэзии. Абай предельно расширил возможности этого размера самыми разнообразными средствами: перемещением ритмических частей, способами рифмовки и строфикой. От использования традиционной рифмовки (ааба) в четырехстрочной строфе Абай переходил к перекрестной, смежной и другим способам рифмования, расширяя строфу до 8, 12 и 16 строк.

Широко использовался поэтом и семи-восьмисложник, новые интонационные возможности этого размера Абай открыл за счет богатства рифмовки (а-а-б-б-б-а, а-а-б-в, а-б-б-б и т. д.).

Своеобразие формы достигалось и путем сочетания разнослоговых стихов в строфе — четырехсложных с семи-восьмисложными, что давало изменение ритмического рисунка.

¹ З. Ахметов, Казахское стихосложение, Алма-Ата, 1964, с. 305.

Созданием оригинальной восьмистрочной строфы, примененной в стихотворении «Сегиз аяк» («Восьмистишия»), Абай открывал новые интонационные и ритмические возможности для казахского стиха. Музыкальная инструментовка этого произведения, строфическое членение, а главное — целостность и законченность восприятия каждой отдельной части как по содержанию, так и по форме, делают это стихотворение необычным для казахской поэзии.

Эволюция мастерства Абая в области стихотворной формы — это процесс совершенствования и гармонизации казахского стиха.

4

Особняком в творчестве Абая стоят его поэмы «Искандер», «Масгуд», «Сказание об Азиме», написанные по мотивам восточной литературы, отражающие своеобразное отношение поэта к старинной культуре.

Созданная Абаем поэма «Искандер» свидетельствует о несомненно хорошем его знакомстве с известными произведениями литературы Ближнего Востока, посвященными жизнеописанию Александра Македонского. Это художественные произведения Фирдоуси («Шах-намэ»), Низами («Искандер-намэ»), Навои («Садди Искандир») и других. Был знаком он и с многочисленными устными легендами и сказаниями, связанными с именем Александра.

38

В отличие от известной средневековой европейской повести об Александре Македонском («Александрин») и восточных классиков, в произведениях которых образ Искандера как полководца и правителя идеализирован, Абай подходит к оценке его завоевательной политики критически. В поэме Абая нет развернутой биографии Искандера, поэт говорит о нем, как о прославленном завоевателе, человеке алчном и высокомерном, жаждущем покорения всего мира. Абай показывает бессмысленность завоевания ради завоевания, богатств ради богатства и развенчивает ненасытность Искандера устами мудрого Аристотеля:

В этом мире сокровищ столь ценных нет,
Чтоб насытиться ими мог алчный взор.

Абаю важно было сделать определенные выводы из содержания беседы, и он кончает свою поэму назидательными словами: «О влекущийся к славе, не хлопочи: Ничем не насытит, кто алчен, свой глаз», — выражая в них и свое отношение к миру.

Вторая поэма Абая «Масгуд» имеет много общего с «Восточной легендой» И. С. Тургенева. Однако один и тот же сюжет используется по-разному двумя писателями. Если Тургенев дает лишь литературную обработку известной восточной легенды, то Абай, повествуя о судьбе юноши Масгуда (у Тургенева — Джаиффар), раскрывает и свое отношение к жизни, объясняет поступки

39

своего героя. Та или иная мотивировка действий Масгуда выражает определенные мысли автора. Для Абая это не просто занимательный сюжет, а повод для обсуждения сложных жизненных проблем, требующих решения.

Несчастьем Масгуда был его ум, за свою мудрость он в свое время стал визирем, и народ его почитал. «Но земля и в то время была полна Глупцов и невежд, как во все времена», — пишет Абай. Когда пролился вредоносный поток, люди, испившие этой воды, обезумели («в спорах, в драках шумят, кричат что есть сил»). Из боязни, что обезумевший народ может лишиться их жизни, визирь и халиф «безумие разделили с толпой». Кончается поэма следующим назиданием:

Вот пример, как всеильна глупость порой.
Не пускай свой ум по дороге чужой.
Не много хорошего приобретешь,
Слепо следуя за безумной толпой.

Сюжетом для поэмы «Сказание об Азиме» послужил «Рассказ о ювелире Хасане» из «Тысячи и одной ночи». В этой поэме Абай использовал лишь ту часть из сказки Шехерезады, в которой рассказывается об истории юноши-ювелира, обманутого магом. Поэт не просто пересказывает злоключения сказочного героя, а создает поучительную историю, повествующую о том, к чему приводит человека неосмотрительная доверчивость и жажда к богатству.

Эта поэма Абаем не закончена. Возможно, что конец был утрачен и до нас не дошел.

Хотя поэмы Абая по тематике и сюжетам восходят к древности, знаменательно, что поэт не удовлетворяется традиционностью тем и мотивов, он переосмысливает их, излагая материал применительно к своему времени, выдвигает важные жизненные вопросы и выводит из поступков героев определенную мораль.

И все же в поэмах «Искандер», «Масгуд», «Сказание об Азиме» поэт не поднимается до реалистических обобщений, слабо разработаны им и характеры героев. Эти произведения во многом уступают лирике поэта, хотя они и были определенной положительной вехой на творческом пути Абая к реализму. Вероятнее всего, что поэмы эти были им написаны в ранний период творчества.

Перу Абая помимо поэм и лирики принадлежат также прозаические «назидания» (45 отдельных прозаических произведений), или, как сам автор их называет, «Слова». В них поэт выступает как публицист, философ и просветитель. Это размышления о многообразных сторонах человеческой жизни. И здесь Абай выступает как наблюдательный, большой эрудиции человек, страстно ищущий пути к улучшению и обновлению жизни.

Абай, как и многие гениальные представители мировой литературы, выполнил в истории своего народа великую миссию: он сумел поднять родную литературу до высот подлинного искусства.

Новое направление, связанное с творческой деятельностью Абая, нашло плодотворное развитие в последующей казахской литературе. По творческому методу, по литературной манере, по

характеру лирического героя многие произведения Султан-Махмуда Торайгырова (1894—1921) развивают абаевские традиции. В сатирической поэзии традиции Абая продолжил Сабит Донентаев (1894—1933).

Лучшие представители казахской советской литературы — М. Ауэзов, Г. Мусрепов, С. Муканов, Г. Мустафин, А. Тажибаев, К. Аманжолов, Т. Жароков — были воспитаны на литературном наследии Абая.

Абай — выдающийся сын не только казахского народа, но и всего прогрессивного человечества. Он стоит в ряду замечательных деятелей национальных литератур, чьи имена вызывают в сердцах читателей гордость за человека, сумевшего проявить свой творческий гений в самых неблагоприятных условиях. Это великие сыны нашей многонациональной культуры — Т. Шевченко, Илья Чавчавадзе, Мирза Фатали Ахундов, Габдулла Тукай и другие.

В творчестве Абая воплотились и выразились чаяния лучших представителей казахского народа. Спустя полвека его фигура вдохновила М. Ауэзова на создание романа о поэте. Благодаря замечательному романисту личность Абая стала известна далеко за пределами нашей страны.

Абай дорог нам не только как поэт и просветитель, но и как гуманист, борец за утверждение человечности на земле.

Г. Камбарбаева

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

О сердце, свой жар остуди,
На отдых пора нам с тобой.
Что вечно ты ищешь? Найди
Желанный прохладный покой!
Когда ты замолкнешь в груди —
Беды черноглазым не ждать.
Найдут себе друга опять
И счастье найдут впереди.
Ты бродишь в тоске по ночам,
Стремишься к черным очам.
Я крепко сержусь на тебя.
Себя без остатка губя,
От горьких ты высохло дум.
Когда ж ты возьмешься за ум?
О сердце, само посудн,
Опасный ты выбрало путь.

О сердце, свой жар остуди,
Степенным и сдержанным будь.
Но благоразумный совет
Тебе не пойдет ли во вред?
Красавица разве поймет,
Что скрыл обманчивый лед

Пыланье опущенных глаз,
Невысказанные слова?
Что напоминала не раз
Любовь про свои права?
Что песни твоей ручей
Иссякнет в бесплодном песке?
Что ты увянешь в тоске,
Противясь воле своей?

О сердце, свой жар остуди,
С печалью расстанься пустой.
О сердце, само посуди,
Проходит всё под луной,
И время наше прошло.
Я знаю, тебе тяжело,
Пора уже наша не та,
Не те уже наши лета!
Что дальше? Опомнись, дружок!
Куда мы с тобой придем?
Пусть преданностью и трудом
Я милой вниманье привлек,
Пусть прежняя власть мне дана,
Пусть может, как прежде, она
Склониться к нашей мольбе,
Любовью ответить тебе,—
От этого ждать ли добра?
Не та уже наша пора!
Супруга мы честь оскорбим,
Пред богом ответим своим...
Пусть пламень твой не погас,
Пусть любят красавицы нас,—

Не лучше ли нам с тобой,
О сердце, уйти на покой?
О сердце, свой жар остуди,
Не надо огонь расточать.
О сердце, само посуди,
Недолго ты будешь стучать...
А годы пройдут чередой,
Не сберегая огня,
Тебе не скажу я: «Стой!» —
Само замолчишь у меня.
Не рвись к забаве пустой,
Остынь, не гори, не шуми,
Тебя не хватит, пойми,
Сожжет тебя эта гроза!
Себя ты не расточай.
Пусть черные жалят глаза,
А ты им не отвечай...
Зачем нам скакать с тобой
По кочкам, колючей тропой,
Покоем своим рисковать,
Пред взором своим рисовать
Услады минувших дней?
Мы станем смешного смешней,
Коль глупо себя поведем.
Другим на глаза попадем,
Себя превратим в мишень,
Разденут, побьют подчас,
Убьют насмешкою нас:
К закату склонился наш день...

О сердце, свой жар остуди,
Того, что прошло, не буди,

Свой нрав горячий исправь,
Красавиц в покое оставь,
Одну избери для любви,
Подругой ее назови,
Подругой на все года.
Она принесет с собой
Мне — радость, тебе — покой,
И будет с нами всегда...

1881

* * *

Всадник с беркутом скачет в ранних снегах.
Будет зорок — добудет лису в горах.
Вот находка в-пути; удобный наряд,
Конь хороший, да спутник, забывший страх,
Да лисы осторожной обратный след,
Обнаруженный чудом в горных кустах.

У подножья горы — охотников сбор.
Всадник с беркутом скачет во весь опор.
Он сорвет клубочок у беркута с глаз —
Беркут крылья расправит, глядя в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдет лиса!» —
Так подумав, он взмоет к вершинам гор.

«Не спасет меня бегство», — лиса поймет,
И замрет она вдруг и раскроет рот,
Заскрежещет зубами и глянет вверх:
И она хочет жить, у нее — свой расчет!
Будет зрелище! Ловчий, нетерпелив,
Презирая опасность, летит вперед.

Помнит беркут: лиса — из мощных врагов,
Сразу в дело пускает сорок клинков.
Но не вздумает медлить беркут-батыр:

Обнажит восемь лезвий, восемь штыков.
Зашумит он крылами и полетит,
Устремится на землю из облаков.

Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы-богатыри.
Та — царица земли, тот — небесный царь.
Захотел человек — и эти цари
Бьются насмерть. . . А снег ослепительно бел,
Черен беркут, лилица красна. . . Смотри!

Эта битва с купаньем девы сходна,
В час, когда на локтях поднимает она
Две косы смоляные, входя в ручей,
Молодая, нагая, легка, нежна,
С белоснежным телом, румяна лицом.
Эта битва тебе напомнить должна

Жениха и невесты первую ночь.
На постели им тесно. . . Лисе невмочь:
Беркут смял и свернул ее под собой.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
И, гордясь победой над хитрой лисой,
Победители стать на отдых не прочь.

Скажут старшие, похвалив смельчака:
«Захвати в добычу три косяка!»
Ты доволен и рад. Стряхнув малахай,
Ты кладешь за губы шепоть табака.
Сколько ягод в горах — пусть будет лиснц,
Чтоб охотника доля стала сладка.

Никакого не делаешь ты вреда,
Если ты приезжаешь на ловлю сюда.
В бренном мире нет мне занятия милей,
Я готов про охоту слушать всегда.
У кого пронизательный, ясный ум,
Тот, наверно, меня поймет без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова.
Но возникнет картина в душе твоей,
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива.

1882

* * *

Словно месяц, изогнутый в небе ночном,
Отливает сверкающий лоб серебром.
Свет струится из черных, как полночь, очей,
Брови вскинули иссиня-черный излом.

Нос точеный у ней легок, узок и прям,
Розов отсвет ланит — удивленье очам,
Сердце, видя улыбку, пьянеет, когда
Блещут зубы, подобны во всем жемчугам.

Речь нежна и умна — тонкий лепет ручья,
Смех заливчато длится, как трель соловья,
Шея — шелк белоснежный — гибка и тонка,
Чист и свеж подбородок, прохладу тая.

Средний рост у нее, но величествен вид,
Тонок выгиб спины, взор открыто глядит,
Камышиною легкой сгибается стан,
И два яблока зреют у ней на груди.

По-ребячески нежен ее локоток,
Пальцы гладки, проворны, блестит ноготок,
И, потупясь, смущенно туманится взгляд,
Если косы рассыпят свой черный поток.

Наши девушки нежной цветут красотой,
Но ненадолго дан им душевный покой —
На прекрасной заре восемнадцати лет
Жизнь направит пути их суровой рукой.

Затаили лукавство, притворство одни,
Будто вовсе о страсти не знают они,
И уж слишком отважны другие, плетя
Сеть кокетства, ужимок, пустой болтовни.

Мы же хитрости девичьи знаем давно:
Тот им мил, кто всегда уважаем людьми.

Так и юноши: эти, про стыд позабыв,
К недоступному свой устремляют порыв,
Те — скромны и тщеславия вовсе чужды,
Терпеливы, и каждый из них молчалив.

Но ценнее всех тот, кто в упорстве своем
Не растратил себя на тщеславьи пустом,
Кто свой дух воспитал на полезном труде
И давно научился ходить за скотом.

1884

* * *

Я не думал о знании, как был молодым,
Хоть и видел, что легче живется с ним.

Вырос я, но мне в руки оно не далось,
И бежал за ним после я, жаждой томим.

Кто ж виновен в том, что невежда я?
Не страдал бы я так, если б был другим.

Дети — самая высшая радость у нас.
Сам всегда я желал обучения детей.

Отдал их в медресе с тем, чтоб стали умней,
А не с тем, чтобы шли им чины от людей.

Всё стремился я ввысь, восходил к облакам,
Первым был среди казахов по умным речам;

Только нет никого, кто бы понял мой труд, —
Что ж, покой обрести я согласен и сам.

1885

* * *

Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.
Мыслью не с кем поделиться! Кто поймет,
Кто ободрит, услышав твой тяжкий стон?

Всем рожденье и кончина суждены,
Дней минувших не вернуть из тишины,
Радость где-то остается позади,
Всё проходит, все деянья непрочно.

Будь разумен, укрепляй свой дух в борьбе,
Лишь бездарный покоряется судьбе,
Лишь ленивец потрафляет большинству,
Скуден мыслью, не уверен сам в себе.

Людям низким не по праву честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
Но за подлость расплатится срок придет:
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
Не позор ли по аулам день-деньской
Время в шутках да кривляньи коротать?

Чужд невежде разум ясный, он скорей
Верит бредням, мыслью брезгует моей;
Разве каждый может правду оценить,
Небылице верит глупый — только ей.

Бредит дурень о багрянице заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,
С отвращеньем он относится к словам
Аксакала, что осведомлен во всем.

Мудрый зорко проникает в глубь вещей,
Расщепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа шлет ему любви слова,
Ближних губит и оплачет, а едва
Свет удачи озарит кого-нибудь,
Воскликает: «Вот любимец божества!»

Тяжким бедам всенародным рад шайтан,
Ангел изгнан, ангел скорбью обуян,
Твердо знаю — не покается подлец,
Перейдет он к сатане в победный стан.

Властелина нагло корчит плут любой,
Рать вербует втихомолку, с хитрецей,
Но не будет подлый первым среди людей,
Он себя же гонит к яме роковой.

Ведь не всякий путь указывать рожден.
Тот, кто честен и правдив, блюдет закон.
Волостным всё норовит безмозглый старь, —
Будет всеми, как собака, проклят он.

1886

* * *

О казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь — на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.

Ты и с виду неплох, и числом велик.
Почему же, скажи, так обманчив твой лик?
Ты не хочешь добрым советам внимать,
Режет всех без разбора твой серп-язык.

Власть не можешь явить над своим добром.
Спишь тревожным сном и тревожишься днем,
То заносчив, а то с обидой глядишь,
Постоянен в непостоянстве одном.

Всякий подлый, чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ,
Не надеюсь на исправленье твое,
Коль судьбу свою в руки народ не берет.

Родич с родичем спорят из-за пустяков.
Богом отнят их разум, удел их таков!
Ни единства, ни чести, везде разлад.
Стало меньше в степях табунов, косяков.

Из-за денег и власти кипит вражда.
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если накопи этой не смоешь с себя,
В унижении, в страхе ты будешь всегда.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?
Если стойкости нет, если твердости нет,
Разве можешь ты быть доволен собой?
Если кто-либо верный укажет путь,
Ты его клеймишь неразумной хулой.

1886

* * *

Бай живет и охраняет свой скот,
Десять подарит — сотню убережет,
А тот, кто добудет десять голов,
Из девяноста в придачу урвет.
Друг друга преследуют, злобой дыша.
Съездит в город, попьет воды Иртыша,
Донос настроит с грехом пополам
И, довольный, скачет домой, спеша.
Исхудали кони от частой езды,
Все карманы его от долгов худы,
Хитрецом и всезнайкой хочет прослыть,
Бог его надоумил на эти труды.
Кто молчит, говорят: «Испугался он».
Бай торопится сам обмануть закон.
У богатого исстари сила вся,
Обманщик избит, но не перевелся.
Чтобы честного человека травить,
Наготове любой держит злого пса.

1886

* * *

У заблудшего, известно, все дороги позади,
Только узкая тропинка и осталась впереди.
Он всегда высокомерен, как джейран среди овец,
И творит свои делишки так, что лучше не гляди.

Ходит он вразвалку, важно, подвязавшись
кушаком,
Дорогой чапан суконный хорошо сидит на нем.
Малахай свой покраснел он старается надеть,
Захватал его руками, мех повытерся кругом.

Даже летом эта шапка не пылится в уголке,
Гладко струганная палка — тоже белая — в руке.
В кереге засунув палку, бросив шапку на нее,
Озирается бездельник, что-то ищет вдалеке.

И штаны его немало всяких видели проказ,
Он разглаживает складки, одурачить хочет вас.
Как попавшему в неволю, делать нечего ему,
Остается, скинув пояс, облегчаться каждый час.

С малолетства всем он ровня, нет нахальной
молодца:
Зубоскалит, лезет в драку, балагурит без конца,

В разговоре петушится, крутит носом, хмурит
бровь,
Изменяя поминутно выражение лица.

К сожалению, в народе много есть таких парней,
Что проводят жизнь в бездельи, мало думая о ней.
Их искусство — в том, как носят они хитрые
штаны,
А вседневная забота лишь о внешности своей.

О хозяйстве, о скотине нет совсем у них забот.
Делать доброе, трудиться? Жизнь отдать за свой
народ?
Они рыщут по аулам, засекая в кровь коней,
Не здороваясь при встрече и кривя в ухмылке
рот...

1886

• • •

Только юность одна — жизни счастливый цвет,
Но не думай, что ты так и не будешь сед.
Мы только в юные дни веселы и бодры,
Старость пришла — и вдруг видишь, что счастья
нет.

В юности всем легко песенки распевать,
Острым словцом своим, шуткою задевать,
Гордо в аул входить, к девушкам нежно лнуть, —
Высшего счастья нам будто бы и не знать.

Мудрый такую жизнь лишь пустяком сочтет —
Лучше учитесь вы и собирайте скот.
Девушку любишь — люби только свою, одну,
Непостоянству в любви предан лишь сумасброд.

Но выхаживать скот ленится молодежь.
Если всю жизнь гулять — и до беды дойдешь.
В юности прежде всего надо учиться нам.
Если ж не удалось — и честный труд хорош.

Бродишь ты по гостям, лучший надев наряд,
На удалом коне век гарцевать ты рад,

Но отощает конь, быстро пройдет почет.
Пусть же суетный пир твой не прельщает взгляд!

Сдержанность — вот наш щит, верный признак
ума,

Трудности побеждать учит нас жизнь сама.
Стоит ли быть рабом праздных, пустых забав?
Пусть же воля твоя будет всегда пряма!

Как ни велик соблазн — не доверяй ему,
Встретишь ты на пути страшных несчастий тьму,
Будешь скитаться ты, хлеба просить кусок,
Вот беспечность твоя может вести к чему!

Нас до седых волос уродует щегольство.
Ставь же ему предел, не поощряй его.
Может и вором стать, нищим в лохмотьях тот,
Кто не хочет трудом добыть себе ничего.

Разуму не научил нас с юных лет отец,
Опыта у родни не приобрел молодец,
Вот, глядишь, и ушла молодость в пустоту, —
Рад бы и умным стать, да уж всему конец.

Нет уж юношей тех, кто бы мне здесь внимал,
А от тщетных надежд я уж давно устал.
Чтобы никто не мог старцев, нас, упрекнуть,
Эти простые слова я для других писал.

1886

. . . .

О, помоги к стопам твоим
Найти, создатель, путь прямой.
Когда за горло схватит враг —
Дрожу от ярости немой.
Аргыням и найманцам, тем
Мои слова — родник живой,
А для сородичей моих
Их вещей смысл — лишь звук пустой.
Им слиток золота даю,
Но так уж повелось, что им
Он медью кажется простой.
Дай им из Самарканда бязь,
И, ею тотчас же прельстясь,
Они расстанутся с парчой.
Конец их чванству положи.
Когда ж, создатель, узел лжи
Разрубишь ты своей рукой?
О милосердия отец,
Когда безумцы наконец
Падут, повержены тобой?

1886

* * *

Каждый за товаром едет на базар.
Там торгует медник, пекарь и гончар.
Вам по вкусу жемчуг, а другому — хлеб.
По душе найдется каждому товар.

Стар и млад стремятся утолить свой жар,
Каждого по средствам наделит базар.
Но не всем доступен жемчуг слов моих.
Труден смысл иному, будь он мудр и стар.

Многим не по сердцу мой словесный дар,
Но неужто жемчуг обратится в пар?
Пусть не всем по праву то, что говорю,
Всё ж охвати слово души, как пожар.

Вникни в смысл, читатель, будь ты млад
иль стар.
И прими как должно мой смиренный дар.
«Жемчуг псу не нужен» — мудрость говорит.
Поговорку эту знает и школяр.

1886

* * *

Пока не знаешь — молчи.
Пока блуждаешь — молчи.
В бесцельных днях и в ночи
Пустых забав не ищи.
Чтоб человеком ты был
И вровень с веком ты был,
Ты пятерых побори
И пятерых избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Безделье и мотовство —
Вот пять врагов твоих, знай.
А разум и доброта,
Упорство, скромность и труд —
Доверься — не предадут.
Будь чистым, зла сторонись,
К деяньям светлым стремись,
Чтоб разум жил добротой.
Пуускай ученым не стал,
Пусть выпал жребий иной,
Но в жажде знания залог
Твоей дороги прямой.
Не говори: «Не смогу».

Стремясь к познанию душой,
Сумеешь им овладеть.
Но, сторонясь, как чужой,
Затушишь искру души.
Богатство, счастье, покой,
Познав науки, найдешь.
Иди на свет их благой.
И всё, что скажет другой —
Иль аксакал, или бай, —
Сам взвесь ты, сам осознай.
Будь верен мысли живой.
Не тешься лживой молвой!
Борьбой за правду живи.
Пусть пошлость нагло груба,
Тем легче с нею борьба.
Будь скромн, будь молчалив,
Мой горький опыт усвой.
О говорящем тебе
Не думай: «Кто он такой?» —
Но глубже вникни в слова.
Мир помнит славных певцов,
И мудрецов, и вождей
Великих в деле своем,
А много ль знаем о нем!
Поверь, о юноша, мне:
Бесценны знание и ум.
Что чуждо их глубине —
Забудь, как суетный шум.
Достигни цели вполне,
Чтоб найденное сберечь.
На мудреца — сто глупцов,
Вот горькой истины речь.

Знай также, юный мой друг:
Не в слове близких своих
Ты правды проблеск найдешь.
Убог привычный твой круг,
Где видят в истине ложь.
Душа невежды мертва,
Пусты без мысли слова.
И сам учись, и учи.
Лишь знаньем жив человек,
Лишь знаньем двинется век!
Лишь знанье — светоч сердец!
Лишенный учеников,
Учитель — словно вдовец.
Людей суди по уму,
Но не по облику их.
Разумен будь и правдив
В делах и думах своих, —
Так мудрецы говорят.
Пойми совет их простой
И, осознав, не забудь.
Да будет праведен путь
Твоей души молодой!

ЛЕТО

Летом, когда тенисты деревья,
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья,
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва.
Вволю насытившись, кобылицы
Не в силах, кажется, пошевелиться:
Тихо стоят они у реки,
Хвостами мух отгоняя лениво.
Лишь весело скачут, резвы на диво,
Жеребята и стригунки.
Гусей и уток крикливые стаи
То опускаются, то взлетают...
Смехом и криками оглашая
Степной простор далеко вокруг,
Женщины юрты ставят ловко.
Видны уверенность и сноровка
В плавных движениях их белых рук.
Бай, объехав свои отары,
Довольный скотом и самим собой,
На статном коне трусит домой
К закипающему самовару.
Хозяйка льет из сабы кумыс,

Уже домочадцы в кружок сошлись,
А мальчик, посланный батраками,
Вертится рядом, ластясь к маме,
Просит жалобно: «Мяса дай!»
В тени навеса готовят чай,
И в ожидании горячего чая,
На кошмах важно усевшись, бай
Ведут беседу между собой.
Пока один, не в меру болтливый,
Трещит не смолкая, другие учтиво
Кивают рассказчику головой.
Старец дряхлый в белой рубашке
Кричит чабанам: «Отгоните скот!»
Мечтает бедняга, что бай позовет
И угостит кумысом и барашком.
Табунщики на лошадях лихих,
В чапанах, поясом стянутых туго,
К аулу спешат, обгоняя друг друга, —
Усталыми кажутся лица их.
А группа юношей с ловчей птицей
На уток охотится и веселится.
Если выпущенный из рук
Стремительный беркут ввысь взвоется
И крупного селезня схватит вдруг...
Что было — прошло и уже не вернется
К бедняге, дряхлому старику.
Он сделал всё на своем веку
И, праздно стоя на берегу,
В угоду юношам громко смеется.

В приютской школе много вас,
Казахские ребята,
Надежда наша, наша честь, —
Зачем сюда вы взяты?
Отец доволен: будет сын
Блюсти законы свято. . .
Но в совершенстве не постичь
И здесь им шарпата.
Читать по-русски и писать
Хотели бы ребята,
А учат «Просьбы» лишь одни
Строчить винювато.
Им ложь иль правда — всё равно,
Платили бы богато,
Они не будут голодать,
Коль брат пойдет на брата. . .
А в том, что знания их скудны,
Лишь леность виновата.
Пусты их души, но горды, —
Кому ж помогут их труды,
Коль знаний маловато?

Учитель русский им твердил:
«Не будьте подлецами!»

На путь стяжательства и лжи
Они вступают сами.
А после русских в том вина. . .
Кто ж в их поступках виноват?
Семипалатинск-город?
Казахские просторы?
О Щедрине и о Толстом
Не слышали, куда там!
Стать каждый хочет толмачом,
А то и адвокатом.
Кто мыслит здраво — правде рад.
Не спорьте же с поэтом,
Я просто вам, как старший брат,
Хочу помочь советом.

Важна не выгода, а честь,
Учись, учись упорно,
Склонись над книгой — только в ней
Отыщешь правды зерна. . .
В мундир военный не рядись,
Не кланяйся покорно,
Не будь пустышкой и лгуном,
Себя хвалить — позорно.
Труд «для начальства» — вздор. . .

Блеснув,

Угаснешь в бездне черной.
Пока ты молод — береги
Свой пламень животворный!
Удел тупых людей таков:
Погрязнуть в лжи и лени;
Боясь решительных шагов,
Увязнуть в униженьи;

Доступен им лишь мелкий труд,
Обман и жадность их ведут
Дорогой оскуденья.

Иди вперед, ищи, найди
Свой путь — широкий, верный.
Для тех, кто смел, зажжется свет
В дороге беспримерной!
Не смей пред баем спину гнуть —
Он жаден непомерно;
Правдивым будь, достойным будь,
Чтобы не смог тебя согнуть
Обманщик лицемерный. . .

Избрала цель душа твоя —
Шагай к ней терпеливо. . .
И над уездным есть судья,
Он судит справедливо.
Но можешь сам ты, без суда,
Бороться с тем, что лживо.
В ученьи не жалей труда —
И смелый, светлый путь тогда
Откроешь прозорливо!

1886

* * *

Бестолково учась, я жизнь прозевал.
Спохватился, да поздно. Вот он, привал!
Полузнайка, я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал наград и похвал.

Я отсталых мечтал за собой вести,
А они меня сами сбили с пути.
Я — один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки ныне в чести.

Прямодушному злобно кричим: «Урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз.

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом,
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глубь сердца обида холодным льдом.

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи.
То, что мы любовью и дружбой зовем, —
Лишь силок для сердец, что соткан из лжи.

Ни друзей у меня, ни любимой нет.
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я жизни рассвет!

Дружба — дар миродержца, вечная связь.
Речи друга с души твоей смоят грязь
Я взлелеял дружбу, но злобный глупец
Растоптал ее, надо мной глумясь.

Я ищу эту дружбу — нет никого.
Кровью сердца зову — повсюду мертво.
Я приятелей тьму обрел без труда,
Но любимого друга — ни одного!

1886

КОЖЕКБАЮ

Коль у тебя в чужом роду
Имеется старинный друг,
С которым ты всегда делил
Все тайны, мысли и досуг, —
Не удивляйся, если он,
Когда ты попадешь в беду,
Забудет всё былое вдруг
И сокровенное твое
Предаст во власть враждебных рук.

Врага он встретит твоего —
Превознесет во всем его,
Твердя, что он непобедим,
Что ты ничто в сравненьи с ним.
И враг вскипит, сильнее ярся.

А после, встретивши тебя,
Друг, о любви своей трубя,
Твердит, что с ним он держит связь,
Радея о твоих делах,
Свидетель этому аллах!
Что с ним он близок для того,
Чтоб тайну выведать его

И обмануть в конце концов...
Клянется прахом мертвецов,
Клянется, бога не стыдясь,
Затапывая правду в грязь!
Он посетит тебя не раз
Под видом верного дружка,
Твердит о дружбе всякий час,
А сам вредит исподтишка.
Твоих родных разъединит
Его враждебная рука
И вовсе оттолкнет иных.
Немало есть таких родных:
Когда за ворот схватит враг,
Как псы, вгрызаются в бока!

В злословьи, в праздности они
Свои проводят дома дни
Иль, став поодаль, за углом,
Друг с другом шепчутся тайком.
Такому — всем ты нехорош!
Упрется, коль ты ведешь,
Иль, сделав рядом два шага,
Ославит хуже, чем врага.
Осыпав градом злых угроз.
Живя лишь тем, что каждый даст,
Мгновенно сродника предаст,
Держа всегда по ветру нос.
Обидчивее, чем дитя,
И неприязненный к родным,
Не знает сам, какую цель
Преследует враждою к ним.
Ничем не жертвуя досель,

Он полон лишь собой самим,
Не ведая, в какую щель
Сумеет спрятаться, когда
Охватит дом огонь и дым.

Придет беда — как в тот же миг
Он первым подымает крик:
«Долой! Долой его с коня!»
Случится: заворчит родня,
Размолвкой пахнет, ссоры ждут —
И он уж с видом жертвы тут,
Кричит, ругаясь и грубя.
Его ненадобно учить,
Как побольней кольнуть тебя!
Но если дело примет вдруг
Благоприятный оборот —
Уже тебе он первый друг,
Уже в улыбке шерит рот
И недругов твоих корит.
«Всех уничтожу», — говорит.
При бурном ветре он плывет,
Куда несет его волна.
Но как он боек, как он смел,
Когда настала тишина!
Вот каковы они, увы,
Батыры в наши времена!
Прими его совет — уж он
Не отстает, он — верховод.
Отвергни раз — он не простит,
Весь в злобе желчью изойдет.
Родных имеют все, но кто
С тобой, коль грянула война?

За пазухой — во время бурь,
На шее — коль чиста лазурь, —
Такое правило у них,
У многих из твоих родных, —
Вся их натура такова!
Красноречивы по домам,
Гремят, подобные громам,
А наступил серьезный миг —
От страха замерли слова!

Дурные шутки, грубый вкус.
В борьбе с соперником — он трус,
Но уступил в пылу борьбы —
Сейчас же встанет на дыбы
И будет хвастать без конца,
Изображая храбреца.
С достойных не берет пример —
Невежлив, неуклюж и сер,
Надменный вид, тщеславный нрав...

Над слабым силу показав,
Он тешится победой властью:
«Вот как моя могуча власть!»
А если не осилит сам
И в злой беде поможет друг —
Он груб, заносчив и упрям,
Ничьих не признает заслуг.

Бездельник — чтобы уважать,
Бессильный — чтоб пред ним дрожать,
Во всем он — только волю дай! —
Всегда хватает через край.

На грубость, на обиды скор,
Сейчас же лезет в драку, в спор,
С ним невозможен разговор,
Не слушает, горюдит вздор. —
Зачинщик всяких склок и ссор.
Как родич этакий тебе
Опорой может стать в борьбе!

Оставить сплетни и раздор
Ни у кого и в мыслях нет.
Неужто в самом деле все
Пойдут за этим псом вослед?
Лишь был бы ужин да обед,
Сыт, пьян — и нет других забот...
Что им страдающий народ?
Хоть бы один за весь мой век
Нашелся верный человек!
Нет справедливости ни в ком,
Всё обсуждается тайком,
И разрешаются дела
Во тьме, келейно, шепотком.
Что ж удивительного в том,
Что недовольны все потом:
Договорились об одном;
А дело подошло к концу —
Не получить сполна истцу!
Нет думающих про народ!
Томится всяк, напрасно ждет.
И получает по суду
Решенье нужное лишь тот,
Кто, с биями живя в ладу,
Подсунет им тихонько мзду.

Чиновник открывает съезд,
И ради этого окрест
Народ обобран волостным.
И греют руки вместе с ним
И старшина, и жадный бай.
Но как народ ни приглашай,
Как ни зови из разных мест,
А без чиновника на съезд
Ты не затащишь никого:
Какая польза от него?!
Ведь кучка нынешних властей,
Что правят, разделив людей,
Твердила всем не раз, не два
Пустопорожние слова,
Что дело завтра разберут!
Сойдутся защищать права,
Вершить дела и править суд, —
Но кто за правду встанет тут —
Неловко стало даже им
Смотреть просителю в глаза.
Перед начальством русским бий
Юлит и гнется, как лоза,
В то время как над ним самим
Уже собирается гроза.

Средь худших — племя Тобыкты,
Гнездо интриг и клеветы!
Там зависть черная царит,
У многих алчно взор горит.
В бездельи полном жизнь влача,
Они бросаются толпой

На уцелевшего еще
Оставшегося «богача».
Наследье предков расточив,
Попались сами же в хитро
Расставленную ими сеть,
Плетенную и день и ночь.
Достойные, творя добро,
Не вызволили из беды,
Не уменьшили их ряды,
Напрасно силы исчерпав,
Чтоб их исправить, им помочь!
Среди людей чужих племен
Наш род презренным заклеймен.
Чужие избегают нас,
Нечестность видя всякий час.
Торговцы все от нас бегут:
Им здесь долгов не отдают.
Лишь бродит пришлый праздный люд,
К богатым не пристроясь, тут.
Властям в народе веры нет,
Раз не избавили от бед
И не спасли от барымты.
Напрасны клятвы волостных,
Что всё на лад пойдет у них, —
Их клятвы, как сердца, пусты!
И только в памяти живет
Воспоминанье дней былых —
О том, как дружен был народ...
Но ни одной души вокруг,
Кто б за него болел, как друг!

* * *

Стих — это вождь средь слов, ценнейший их убор,
Талантливый поэт слагает речь в узор,
Где все слова ровны, густы, округлены,
Легки для языка, ласкают слух и взор.

Излишнему в стихе, конечно, места нет,
И слов не бережет ничтожный лишь поэт.
Из тех, кто говорит иль слушает, он тот,
Кому напрасно бы давал ты свой совет.

Сперва Корана стих, пословицы потом,
За ними ставь байт — и речь пойдет шитьем.
Не стоило б ее к пророку обращать,
Лишенной разума и бедную стихом.

Пусть каждый борется, чтоб стих создать живой,
И пусть избранных он радует собой.
Но редко может кто составить звонкий стих,
На вид — серебряный, по сути — золотой.

Коль вспомнить, что за речь была у стариков,
Увидишь, сколько там пословиц между слов.
Поэты прошлого невежды и глупцы,
Ничтожны их слова и мысли прост покров.

Стих под домбру они певали в час ночной
И к каждому его стремили с похвалой.
Свой вес от этого утратили слова,
Став средством клянчить хлеб пред праздною
толпой.

И слово и душа выклянчивали скот —
Кого обманом взять, кому воздать почет.
Так, в нищете бродя среди чужих племен,
Они, презренные, лишь свой хвалили род.

Искали богачей, у коих гордый нрав,
Но сами баями не стали, скот собрав.
Казахам кажутся пустыми их стихи,
Утратившими смысл для суетных забав.

Пословиц стариков в моем запасе нет.
Я ныть из-за скота не стану, я поэт,
Иные у меня слова, иная цель,
И тот, кто слушает, сейчас мне даст ответ.

Когда б я пел о тех, кто грабит бедняков,
Иль девушек красу восславить был готов,
Меня бы слушали, дыханье затаив,
Не находя цены для легковесных слов.

К реченьям разума упорно глух народ,
Пренебрегая тем, что нас к добру ведет.
Невежд, захватчиков, ленивых — не сочтешь.
Не обижайтесь же, коль стих мой больно бьет!

Иные там и тут из кожи лезут вон
И к тепленьким местам ползут со всех сторон.
Но что они поймут, пока хотя б один
Из тысячи — умом не будет вознесен?

Стремленье к скромности, терпенье, совесть, честь.
Никто здесь нужными уж не желает счесть,
Не ищет знания, не хочет жить умом,
Злословие и ложь взбивая, словно шерсть.

1657

* * *

Если умер близкий — скорбен человек,
Сердце злой утратой ранено навек.
Почему ж он в песню облакает боль,
Жемчуг слез роняя с увлажненных век?

Жениха ль встречают, правят брачный той
Или по аулам ходят с молодой, —
Кнаменде поют там, бет-ашар, жар-жар.
Не цвести без песни радости земной!

Родился младенец — пир, шильдехана,
И ночами песня звонкая слышна.
Вспомни, что стихами изъяснялся бий, —
В песне мудрость предков нам сохранена!

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожает в землю прах, скорбя.
Песня — вечный спутник радостей земли.
Так внимай ей чутко и цени, любя!

Если не откроешь ей любовно слух,
Если не постигнешь сокровенный дух, —
Не споешь ты песню, не поймешь ее!
Но молчать ли песне, если ты к ней глух?

Стих — узор словесный, стих — что кружева.
Пригнанные тесно, в нем поют слова.
Если слово звучно, если мысль верна, —
Не отвергнуть песни, песня ввек жива!

Слово не взволнует сытого глупца.
Видят мудрость только зрячие сердца.
Но и тем, кто ценит слово, песню пой
В час, когда открыты души для певца.

Не проси за песню денег и наград:
Ты ж, пропевши песню, не понес утрат!
Продающих песню дальше обходи, —
Песню пой пред теми, кто ей сердцем рад.

Средь толпы немного ты найдешь таких.
Ты не отдавай ей на потеху стих:
Отвернется вскоре для других забав,
Мало кто услышит мудрость слов твоих!

Шортамбай, Бухар-Жирау и Дулат. —
Сколько в их твореньях пятен и заплат!
О, когда б нашелся хоть один знаток —
Вмиг изъяны б эти обнаружил взгляд!

Мастерство и правда — в этом цель певца,
Чтоб раскрыть не только очи, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.
Даже нет и в мыслях — забавлять глупца!

1888

ОСЕНЬ

Тучи мрачно окутали весь небосвод —
Это осень в дождях и туманах ползет,
И застывшую землю, от стужи дрожа,
Кобылица напрасно копытом скребет.

Нет уж больше травы на просторе степей,
Смеха больше не слышно и гама детей,
А деревья, иссохшие как старики,
Тянут к небу безлистые руки ветвей.

Уж дымится с овечьими шкурами чан —
Износилась одежда, весь в дырках чапан,
Чинят женщины юрту, заплаты кладут,
И старухи свой ткацкий наладили стан.

Журавли в теплый край вереницей летят,
Голодают верблюды и грустно глядят,
Приуныли аулы — куда ни пойдешь,
Не услышишь веселого смеха ребят.

Старики над остывшей поникли золой,
Молча слушают ветер, холодный и злой.
Рыщут по степи псы, ищут в норах мышей —
Дома косточки им не дадут ни одной.

И уже ни травинки вокруг не найти,
Пылью ветер заносит дороги в степи.
Будь ты проклят, обычай глухой старины.
Что мешает нам в юртах огонь развести!

1888

КУЛЕМБАЮ

Салям тебе, волостной!
Здоровы ли скот и жена?
Скорблю я, что правишь ты
В трудные времена.
Отцам и дедам твоим
Власть не была дана,
И ты стремишься своей
Воспользоваться сполна,
Хоть ей, по правде сказать,
Невелика цена.

Уездный гонца придет —
Спешишь ты воздать почет.
Что же будет с тобой,
Если он сам придет?!
В юрте своей сидишь,
Властен, суров и строг,
Но с места легко слетишь —
Только подуть разок.

1888

Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
Но чтоб окрестные луга до снега не топтать,
Бай держит стадо далеко от своего двора.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану;
Жена, бедняга, ткет чекмень, от холода дрожа.

И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло;
А старикам — совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.

Уж если бай пока что бьет свой самый худший
скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка —
Благодари скорей его, семью его и род.

Пускай над степью снеговой буран гремит опять,
Ведь байский сын одет и сыт, ему тепло гулять,

И батрачонок целый день обязан быть при нем
И со слезами на глазах ублюдка забавлять.

Потом несмело, словно тень, войдет он в байский
дом
И сядет, прислонясь спиной к горе мешков
с добром;
Украдкой подобрал кусок, что бросил байский сын,
Задремлет тихо в уголке, обласканный теплом.

А бай балованным сыном доволен без конца;
На радость баю он растет собакой — весь в отца;
Голодных сверстников своих стыдится байский
сын,
В нем жадность вора, кровь отца и совесть
подлеца.

Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?
А если даст кусок — гляди, длинна у бая плеть:
Трудись, бедняк, проклятый долг сторнцей
возврати,
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в могиле
тлеть.

Печальна горестная жизнь голодных бедняков!
Владелец тысячных отар, верблюдов и быков,
Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

* * *

Свет луны прорезает мрак,
Над водою — ни ветерка...
Близ аула глубок овраг,
Полноводна, шумит река.

Меж собой говорит листва,
От деревьев тени легли,
Вся в цветах, так густа трава,
Что не видно голой земли...

Вторит гулкое эхо с гор
Дальним окрикам, лаю псов...
Поведи с собой разговор —
Был твой долог путь и суров.

Как погода, душа твоя
То теплее, то холодней,
Ты бредешь, пугаясь жилий,
Избегая степных огней.

Сердце громко стучит... Луна
Яркий свет продолжает лить, —
Только мысль у тебя одна:
Как бы голод свой утолить.

1888

* * *

Нет жизни у меня в груди...
Я всё твержу одно и то же:
«Не верь друзьям, измены жди...»
За что мне это всё, о боже!
Есть люди: дома, как поток
Неугомонный, он грохочет.
Когда же речь сказать захочет,
Он вял — язык ему не впрок.

Когда пасется конь три дня,
Он распускает хвост и гриву.
Батыр, ты дома у огня
Всегда ли был такой ретивый?
Ты лъстишь и малым и большим,
Когда тебе порою туго.
А только вырвался из круга —
Заносчив и недостижим.

Умешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.
Из-под наездника чепрак
Ты стащишь, вороват и ловок.
Когда же тяжбу заведешь —
Идешь обходными путями.

Но, для другого вырыв яму,
Сам в эту яму попадешь.

Не хлопай сильно дверью той,
В какую (всяко может статья!)
Еще придется постучаться
В час неожиданно крутой.

1889

• • •

Вот и выбран я волостным.
Столько взяток дал — стал бедней!
Без горбов верблюды мон,
Не осталось грив у коней.
Хоть и много потратил я —
Управлять людьми всё трудней;
Если скажет мне слово власть —
Я всегда соглашаюсь с ней,
Если просит меня бедняк
Пропускаю мимо ушей...
Как услышу я: будет съезд —
Бьется сердце мое сильней,
С хитрецей улыбаюсь я,
Чтобы спрятать страх от людей.

Как-то шел по аулу я, —
Скачет нарочный, весть несет:
Сам уездный уже в пути,
Соберет он на съезд народ!
Небольшой остается срок,
Страх за сердце меня берет,
Суетиться тут начал я
От больших и малых забот.

Собираю баев, старшин:
«Пусть согласие средь нас живет,
Подготовьте жилье, коней,
Гостю мы окажем почет...»
Пред народом бахвалюсь я:
«Вы не будете знать невзгод,
Оправдаю доверье я,
Если милость господь пошлет;
Чтоб избавить от горя вас,
Я ль не мучаюсь круглый год?»

Я с уездным сижу вдвоем
И ругаю народ родной,
А народу твержу потом:
«За тебя я стою стеной!»
Про уездного говорю:
«Он советуется со мной...»
При таких опасных словах
Я мигаю: «Вот я какой!»

Слухи, толки вокруг пошли —
И наказан был волостной,
Был осмеян хвостун и лгун,
Обманувший людей «герой».
После споров изгнали тех,
Кто пришел сюда с думой злой,
Непокорных же наглецов
Захлестнули петлей тугой...
Разговор на съезде вели
О большой обиде людской, —

Бий увидел: казахов злить
Разве может он в час такой?
Скот, что забран им раньше был,
Возвратил он своей рукой.

Должники в первый раз тогда
Облегченно смогли вздохнуть...
Ходят жалобщики толпой;
Опечален своей судьбой,
Даже скорчился волостной:
«Мне ведь некогда отдохнуть,
Я с утра до ночной поры
То вперед несусь, то назад,
Развевается конский хвост,
Расстегнулся на мне халат;
Чтоб уездный видел мой труд,
Всех ругать я готов подряд,
Рассыпаю удары я —
Убегают и стар и млад.
Все ретивые крикуны,
Как увидят меня, дрожат...
Выпирает живот, жара...
Расстегнуть свой ворот я рад.

Волостные соседних сел,
У которых люди молчат,
Издеваются надо мной,
Голоса их громко звучат,
Их слова, как волны реки,
Мчатся быстро за рядом ряд, —

А с уездным заговорят —
Сразу дело пойдет на лад!
У меня же народ строптив —
И неласков начальства взгляд,
Протираю подошвы зря,
Всё корят меня и корят...

Может, проклятый я какой
Иль себе самому я враг?
Хоть и надо скромнее быть —
Не заставлю себя никак!
После съезда своих людей
Я не жму уже крепко так,
Перед сильными я молчу —
Не такой уже я простак,
Если кто и обижен мной,
То последний в селе бедняк...
При уездном теперь я тих —
Не хочу попадать впросак,
Для чего рисковать мне там,
Где добыча-то вся — пустяк!
Никого не ругаю зря,
И бездействует мой кулак,
Я людей за себя стоять
Убеждаю и так и сяк,
На смутьянов я не кричу:
Знайте все, какой я добряк!

Тяжело стало править мне:
Кости слабы, жилы тонки,
Пропади ты пропадом, власть,
Ты зажала меня в тиски!

А откуда помощь придет?
Все тут плуты, бунтовщики;
Где ж тут совесть и честь сберечь,
Если люди кругом низки?
Будет новый съезд — ты, господь,
Мне шары набрать помоги!
Ах, боюсь, что припомнят мне
Все бывшие мои деньки...

Мой советник, спаси меня,
Слово мудрое изреки...
Сколько тюрем теперь у нас!
Шепчут все про мои грешки.
Никудышный правитель я, —
Знают дети и старики,
Так зачем же я к власти шел,
Силам собственным вопреки...
Слух какой-нибудь доведут
До уездного земляки, —
«Ах, он скажет, на что мне ты!»
Не уйдешь от его руки...
Навлечет он тогда позор
На седые мои виски,
Сколько жалобы ни строчи —
Не сломаешь в тюрьме замки!

Мне не стало теперь житья,
Разветвилась дорога вдруг.
Тот, кто жалобу подает,
Озираясь, глядит вокруг,
Ведь его погубить навек
Может дело собственных рук;

Скажут: ложный это донос,
И в тюрьме не избежешь мук.
Прокурор — негодяй, злодей,
Не один им упрятан друг,
Для того чтоб попасть в тюрьму,
Ведь не надо больших заслуг!

1889

* * *

Управитель начальству рад,
Он не может от счастья дохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь.

Но не вечно в почете тот,
Кто начальству стал чем-то мил.
Он галун на чапан нашьет,
Но бесчестьем он честь купил.

То унижен, то вознесен,
Он всегда хвастовства не чужд.
Удивляюсь тому, как он
С важным видом вещает чушь.

Был зарезан баран, когда
Эту радость привез гонец.
Но в известии том — беда
Для того, кто видит конец.

Об удачах пусть говорят,
Не пойдет это счастье впрок.

Только малый ребенок рад
От чужих получить кусок.

У кого же рассудок есть,
Тот отметит насмешкой злой
Всех, кто сам свою продал честь
И хвастнул своей наготой.

Словно девушка, гнешь ты стан,
Побрякушки душой любя,
Утешаясь тем, что капкан
Для других, а не для тебя.

Но возможно ль таким путем
Стать других умней и знатней?
Будь подальше, коль ты с умом,
От тщеславных, пустых людей.

Не научишь глупцов пятерых,
Коль десяток прибавишь к ним, —
Нет плохого в делах твоих,
Если сам ты не ходишь к злым.

Тот твердит: «Я достиг всего!»
Тот вразвалку, гордясь, идет.
Так и блещут глаза его,
Коль, вскочив, он кого ругнет.

Что ж! Свинья — это лишь свинья!
Не страшусь я наветов злых.
Гордецов не исправлю я,
Но наука наставит их.

Бесплезен для нас гордец,
Но получит он всё равно,
Как ни хвастался б молодец,
То, что сам заслужил давно!

1889

* * *

Да будет слово мудреца
Не достойнием глупца.
Чтоб светоч истины узреть,
Должны быть зрячими сердца!

Кто сердцем чист, чей светел ум,
Тем речь твоя — не праздный шум.
Они, полны огня и дум,
Постигнут правду до конца.

Тупа невежды голова,
И что ей мудрые слова?
Болтун — он устает, едва
Заслышит мудрого певца.

Ему мила лишь болтовня,
Он пристаёт к тебе три дня,
Но петь начни, — чело склоня,
Глядит тупее, чем овца.

Он ищет, как дитя, утех,
Он развлеченья ждет от всех,
Ему бы игры всё да смех,
Звон шутовского бубенца.

И, всякой мысли чужд совсем,
Он ко всему и глух, и нем,
За исключением поэм
Про девушку и храбреца.

Ты спел тому, в ком есть душа;
Он скажет — песня хороша!
И слушает, едва дыша,
Не спутав с золотом свинца!

Глупцы же смотрят сторонась:
Им только б сплетни, хитрость, грязь.
Им всё равно — что плюш, что бязь...
Ослу подай лишь клок сенца!

1889

ВОСЬМИСТИНИЯ

Далёко зовет,
От сердца идет,
Волнением полнит тело;
Быстрей, чем жигит,
По свету летит.
Добычу арканит смело.
Богат и могуч язык-богатырь,
Ты должен познать эту мощь и ширь!

Не может резец
Иль спицы конец
Придумать таких узоров;
Коралл — знатокам,
Но он только хлам,
Дешевка для темных взоров.
Сокровищ не трать, волшебник-язык,
К их блеску слепец глухой не привык.

Убогий умом,
С мечтой незнаком,
Зазнайства нося одежды,
Холоп чужих слов,

На всё он готов —
Таков обычай невежды.
Коль в сердце нет силы, а мысль без глаз,
Молчи, не тупи ярких слов алмаз!

Вскипает вся кровь,
Когда вновь и вновь
Советы даешь невежде:
«Стыдился б людей,
За дело скорей!» —
Но отклика нет, как прежде.
Кто с юных ногтей своей чести мот,
Совета не слыша, опять уснет.

Весь век домосед,
Любитель клевет,
Он всюду, шепча, их сеет.
Бездельников ум
Сторонится дум,
Брат брата не разумеет.
Болтают, злословят и сеют ложь.
С невежд и бездельников что возьмешь?

Одну за другой
Льют сплетни рекой,
Лишь в них находя веселье;
Им, видно, под стать
Всем ямы копать,
Злословье поставив целью,
О совести мысль изгнав навсегда.
Уж лучше пасли бы свои стада!

На добрый став путь,
Отзывчивым будь,
Трудись, не жалея силы;
Сует суета,
Души пустота
Неужто тебе так милы?
Трудом, не ленись, украшай свой быт —
И будешь тогда без подачек сыт.

Учись и пахать
И скот торговать —
Везде потрудиться надо.
И будешь хорош,
И счастье найдешь,
А счастье — трудам награда.
Коль дружбы ценить не будешь, казах,
Заранее жди неудач в делах.

Стада охраняй,
Раздор отгоняй,
Ищи путей примиренья.
Пусть правда страшнет
Насилия гнет
И светом омоет зренья,
Пусть совесть твоя очнется от сна,
К советам моим вниманья полна!

Коль сыт каждый день,
Трудиться уж лень, —
Распушенность в этом вижу;
Охотник до ссор,

Ты сеешь раздор,
Спускаясь притом всё ниже.
Иль сплетен еще не крута гора?
Покаяться в них не пришла пора?

Кто учит, скажи,
Творить грабежи,
Болтаться всю жизнь без дела?
Придет злу конец:
Провидец-мудрец
Осудит преступников смело.
Привычки твои, как ты их ни прячь,
Тебя ж самого и казнят, как палач.

Не тело — душа,
Печалью дыша,
Страданье от света прячет;
Мне грустно, казах,
Всё сердце в слезах
Над долей твоею плачет.
Беспечная жизнь лишена забот,
Но скольких она к темноте ведет!

Пыл сердца остыл,
Лишился я сил,
А цель далека поныне.
Окончен базар,
Погас его жар, —
Так можно ли жить в гордыне?
Не скот забирать надо было в путь,
С которого нам уж нельзя свернуть.

Бессилен боец:
Осилит хитрец
И сотню друзей Абая;
Седа борода,
Проходят года,
В советах бесплодных тая;
Безрадостный путь моя жизнь прошла
И потом труда его полила.

Всезнающий бай
И плут-краснобай
Пьяны лишь одною славой,
Трусливость тая,
Ползут, как змея,
Дорогой своей неправой;
Добыют, коли ты под грозой упал,
Хвалой вознесут, коли в честь попал.

Ну ладно, народ
Запуган живет,
А ты-то не ждешь печали?
Следишь за толпой,
Она — за тобой. . .
За ней уследишь едва ли:
Блудница-жена не в тебя умна
И мужа всегда проведет она.

Не справиться с ней
Тебе без людей,
Не справишься — будет стыдно;
Приятель быллой,

Поверенный твой,
Злорадствует уж ехидно, —
В нем черная кровь, он — лукавый вор,
Введет он тебя в роковой позор.

Друзей не зови, —
В грязи и в крови,
Вновь льстись богачам, их женам;
Ударят — встаешь
И снова идешь,
Спешись к господам с поклоном.
Скажи, где же здесь твоя совесть, честь?
Полезна ль кому лицемера лесть?

Разлается пес,
Глядишь — уж занес
Мальчишка над ним дубину;
Промолвит отец:
«Стыдился б, глупец!» —
И прочь, повернувши спину.
Бездушен ты сам на такой же манер,
Такой же, как этот отец, лицемер.

Путь светлый открыт
Тому, кто не спит,
А жадно цель жизни ищет;
Невежда слепой
Сидит день-деньской,
Мечтая о сне и пище.
Ни тот ни другой певцу не сродни,
Но прожил Абай печальные дни.

Я знаний хотел,
Брал мир на прицел,
Глядел налево, направо;
Но чужд был мой зов
Рассудку глупцов,
Душе хитреца лукавой.
Всё ж если ты чувствуешь силу свою,
То должен ты выстоять и в бою.

К утесу иду.
Зову, как в бреду, —
И эхо летит с заката;
Услышав ответ,
Ищу я хоть след,
Сочувствие друга и брата.
Но отклика нет — и молчит утес,
Не ведает он ни тоски, ни слез.

Ушел пилигрим,
Мчит всадник за ним, —
Кого мой призыв заманит?
Я грустен, устал,
Пылают уста,
А слезы глаза туманят.
И если поток их так горяч,
Удержишь ли тут безнадежный плач?

Перин легкий пух
Стал каменным вдруг,
Нет сна... А толпа, как прежде,
Куда-то спешит.

Горланит, бежит, —
Нужна ль тишина невежде?
Всё то же коварство в ней и обман,
Такой уж ей жребий на свете дан.

Семья у меня
Большая. Родня
Повсюду. Есть дом и дети.
Много родни...
Всё ж, сердце, одни
С тобой мы на белом свете!
Как холмик в степи, где кто-то зарыт,
Стою одинок, горькой правдой сыт.

1889

* * *

Коль свет горит в твоей душе,
К ней обращаю я призыв.
Коль тьма царит в твоей душе,
Мне всё равно, ты мертв иль жив.
Коль на глазах твоих бельмо,
Умрешь, добра не различив...
Как без имама ни молись —
Дойдет ли к небу твой порыв?
Вовек дороги не найдешь,
Судьбу мудрейшим не вручив.

Подобен озеру народ,
Который дружен и счастлив:
Листва колышется вокруг,
И ветра радостен мотив,
Сбегают весело ручьи,
И серебрятся ветви ив;
Там бродят тучные стада,
О зимнем голоде забыв.

Народ, живущий во вражде,
Как заболоченный залив:
Оттуда птица улетит,
И жажды там не утолив;

Скот, не пройдя за перева,
Падет, воды его испив,
Его покинет человек,
На берег гнилостный ступив.

На единицы и нули
Народ чванливо разделив,
«Ничто нули без единиц!» —
Иной «мудрец» кричит, спесив;
Он говорит: «Без единиц
Народа путь и лжив, и крив».
Но это — вздор. Народ один,
Он чужд вражде, он прозорлив.
Так будь отважен, жизнь свою
Борьбе за правду посвятив!

1889

Глуп, бесчестен, не может собой управлять
И к труду непривычен. И ты при глупцах,
Зубоскалах, бездельниках — слова не трать.

Брат, умело владеющий словом своим,
Я прошу — презирай легковесную речь,
От которой нет пользы тебе и другим.
Мы обязаны наше искусство беречь.

1889

* * *

Я стихов не пишу для забав людских,
Чтоб побольше собрать небылиц былых,
Я пишу, чтоб чему-нибудь научить
Тех, кто молод и чуток, как сам поэт.
Верхогляду речей моих не оценить,
Только чуткому сердцу я шлю привет.

Слушай смело, но будь простодушным сам.
Знаю, будешь сперва ты скользить по верхам.
Так как с детства таких не слышал ты речей,
То сначала не сможешь понять их огня.
Я дивлюсь, что, не свыкшись с речью моей,
Просишь песен и ты, беспокоя меня.

Мои песни ислам прославлять не могли,
Ни дракона, ни девы с косой до земли,
Я проклятий стихами не шлю старикам,
Молодежи не порчу беседой своей.
Если речь моя бедною кажется вам,
Вы поймете потом правду, скрытую в ней.

Сыновья у богатых строптивы, жадны,
Но считаться с повесами мы не должны.
Ведь замечено: тот, кто горяч на словах,

* * *

Острый разум чист, словно пласт ледяной.
В непослушливом сердце — кипучий зной.
Терпеливую мысль и пылкую страсть
В силах ты обуздать лишь волей одной.

Только тот, кто сердце и разум скует
Непреклонной волей, достигнет высот.
Эти свойства не стоят врозь ни гроша,
И любое из них тебя не спасет.

Что без воли и страсти сила ума?
Неразумному сердцу — и в полдень тьма;
Разноречье троих сумей сочетать,
Этой мудрости учит нас жизнь сама!

1889

* * *

Две дороги — любовь и страсть — предо мной.
Похоть властвует плотью моей земной.
Но тебя я люблю. Будь счастлива ты,
Хоть погибну я, сгину во мгле ночной!

Ты — мой разум! Ты волю мою взяла,
Без тебя в душе только мгла и зола.
Люди любят одних, не любят других,
Ты же — всех милей и для всех ты мила!

Я — твой раб, любовь! Истерзав и дразня,
Ты меня леденишь, сжигая меня.
Улетит надежда — и стынет душа.
Прилетит — и в сердце потоки огня.

1889

Стала б вновь светла
И легка моя судьба.
Воспрянет дух опять,
И счастья буду ждать.

1889

* * *

Дух унижен мой,
Я убит разлукой злой,
Позабыт тобой,
Обойден своей судьбой.
Аллах мой, как я слаб!
Рази — покорен раб!

Сон мой и покой!
Пожелтел от горя я,
Чахну под бедой,
Сгорбилась спина моя.
Не знаю, как мне жить,
Чем сердце облегчить?

От любви тоска,
От тоски не сплю ночей:
Мне издалека,
Милая, не шлешь вестей.
Душа горит в огне.
И кости в тягость мне.

Если б к ней могла
Долететь моя мольба,

* * *

Ах, что за жребий ждет меня!
Уйдешь, метнув
Надменный взор?
Иль, обманув,
Тайком, как вор,
Покинешь,
Слову изменяя?

Зачем терзаешь ты меня?
Забыт супруг, —
Глядишь вокруг,
Ища других
Среди чужих,
Позором жизнь свою черня.

Гляди — душа моя в огне...
Кричу, стена,
Внутри меня
Волнами пламя разлилось.
Мечусь,
Униженный как пес, —
Истает жизнь во мне.

Кто знает о грядущем дне?
Придет, таясь,

Последний час,
Придя, не отойдет от нас.
Еще дыша,
Живет душа,
А вот — другой на смену мне.

Любви дорога нелегка;
Достиг — живешь,
А нет — так что ж?
Вся жизнь в мечтах
Прошла.
Меня ты вспомнишь
Хоть слегка?

Томит смертельная тоска,
Нет больше сил;
Я не свершил
Обета — уж в моих глазах
Смертельная
Мелькает мгла.
Ну что ж? Живи — хоть далека!

Коль сердце верное — оно
Идет не думая
Вперед,
Не передумает
Стократ; не повелит глядеть
Назад,
Умрет за слово лишь одно.

Судить умеешь ты умно,
Так своего утешь раба.

Не говори, что не судьба,
Вернись, никто
Тебя за то
Не упрекает, —
Мне так темно!

Как я люблю! Я удручен,
Но не скажу я ничего.
Когда придешь; ни одного
Не в силах слова
Молвить я —
Безжизненна душа моя,
Рассыплюсь в прах, испепелен.

Твой взгляд ведь мне ни разу
Не подарил огня.
Ты не вернулась и, меня
Ища, не кликала к себе.
Горячей крови
Нет в тебе.
Прощай! Ты слышишь ли мой стон?

Увы, не любишь ты меня!
Твоим сияющим лицом
И телом, пышущим огнем,
Велел аллах
Мне наслаждаться
Лишь в мечтах,
Неблагодарностью казня.

Стрелу метнула ты в меня
Слепую, — бог судья тебе.

Но знай: никто в своей судьбе
Не волен. Твой неверный шаг —
На справедливости весах.
Не будет он никем прощен
До рокового смерти дня!

1889

• • •

Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!

Когда тоскую по тебе —
Мне слезы затмевают свет.

Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не был мир согрет.

Одной тебе моя любовь,
Твой образ — он давно воспет.

И пусть я стану ниц и сед,
Но мне иной дороги нет;

Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред;

И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет

Не смогут остудить во мне
Твоей красы горящей след.

На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,

Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих;

В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них

И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.

Тобой насытиться нельзя. —
Рукою по шелкам скользя,

Я замираю, потрясен,
И ты огнем пылаешь вся.

Мы вместе... Юрта нам мала...
Но ты не здесь, ты не пришла...

И всё ж я — сокол, и тебя
Настигну, где б ты ни была.

В тебе — ни жадности, ни зла;
И горделива и смела.

Ты час от часу ближе мне,
Ты мне всё более мила.

Приди, приблизь свиданья час.
О мой фазан, позволь хоть раз

Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

* * *

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня;
Решай же сам мою судьбу, —
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я — словно масло на огне;
Они горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне —
Я буду счастлива вполне;
Уйдешь — несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви:
Меня на слове не лови,

Не увлекай, чтоб унижать,
К себе в насмешку не зови.

Уж лучше сразу отрави, —
Потухнет жар в моей крови;
Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!
Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой.

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной,
Ты — белый сокол, я — фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пусть шелковинкой полевой,
Тростинкою береговой
В твоих объятьях изогнусь,
Замру от страсти огневой.

Обдумала ответ я свой,
И простодушный и прямой,
Пойми слова мои, жигит,
Почувствуй сердцем и душой.

Пусть каждый — юный и седой —
Запомнит мой ответ простой,
И сложит песню, и зажжет
Сердца жигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

1889

* * *

Вдоль спины заплетенные косы лежат,
И шолпы отвечают движениям в лад,
Взор под шапкой бобровой волнует меня.
Нет, такой красоты не встречал еще взгляд!

Бархатистые черные звезды очей
Льют в смятенное сердце потоки лучей.
Что за голос! Улыбка! Как телом нежна!
Кто посмел бы сравниться средь девушек с ней!

Высока, с легкой ножкой, пленительный стан...
Ты другой не ищи средь полуденных стран.
Всё мне кажется, где-то я видел уже
Это зрелое яблоко, нежный шафран.

Если пальцы чуть тронут ее локоток,
В самом сердце почувствуешь крови толчок.
А лицо к ней наклонишь — горячая страсть
Разольется по жилам, как бурный поток.

1889

Неугоден им честный путь,
Избегающий темноты,
Так поддержит ли кто-нибудь
Правдолюбцев таких, как ты?

1889

* * *

Друга стойкого средь людей
Никогда нигде не найдешь:
Кроткий видом — в душе злодей,
Сеет сплетни, насмешки, ложь.

Доброте его ты не верь,
У таких наготове мечь:
Ошибешься ты — и, как зверь,
Уж готов он тебя заесть.

Всё про верность тебе твердит,
Распинается краснобай, —
Не забудь: он враждой кипит,
И речам его не внимай!

Я всю жизнь надеждой дышал,
Верил — в людях увижу свет,
И немало добра свершал,
Но лишь злобу нашел в ответ.

Кто виновник бед и кто прав?
Жизнь окутана в черный мрак.
У людей уж таков устав:
Изменяет друг, злобен враг.

Надобно запомнить это всем:
Кто живет без цели, без забот —
Под конец останется ни с чем,
В рот само ничто не упадет.

1889

• • •

Где ж ты, пламя юности моей?
Не взволнуешь сердца почему?
Я постиг премудрость жизни сей,
Красоты ж не разгадать уму.

Зная цену хитроумью, лжи,
Не старайся слишком добрым быть.
Сердце силою вооружи,
Без усилий счастья не добыть.

Радостей любви не испытав,
Как поймете их значенье вы?
Если горе слишком тяжело — прав
Тот, кто не жалеет головы.

Друг тогда поистине хорош,
Если он с тобой в беде, в борьбе.
Если сам свой скот ты не пасешь,
Кто ж его пригонит вдруг к тебе?

Сам хозяин ты судьбы своей,
Труд — отрада, лень — жестокий бич.
Мало толку в пышности речей,
Если смысла знания не постичь.

* * *

Вовек моя душа не расцветет —
Пусть блещет солнце, пусть луна взойдет!
Тебя одну люблю я в целом свете,
А ты влюбленным потеряла счет.

Возлюбленной проделки я терплю.
Она изменит — я не разлюблю.
И если надо мной она смеется,
Молчать я сердцу страстному велю.

1890

* * *

Тулпара не обгонит конь простой,
Будь он украшен пестрой бахромой.
Как бы меня злодеи ни чернили,
Не омрачится дух высокий мой.

Собакам в чаще волка не догнать.
Поможет бог осилить вражью рать.
Хотя не раз мы на цепь их сажали,
Привычно псам бессовестно рычать.

Безумствуют с толпою «мудрецы»,
Клеветники-чиновники, купцы —
Друзья их. И надежную опору
Хотят найти в Семее хитрецы.

1890

• • •

Не продохнуть,
Полнит мне грудь
Горе и жжет, как огнем.
Зла не уйму,
И никому
Не рассказать мне о нем.

Чувствую стыд,
Робость томит.
Встретится ль кто из людей —
Я, как дитя,
Взгляд опустя,
В бегство пускаюсь скорей.

Дух мой смущен,
Пища и сон
Сделались мне не нужны.
Как я изныл,
Нет во мне сил
Милой достичь тишины.

Сердце в огне.
Боже, где мне
Душу свою утолить?

Дай мне на путь
Верный свернуть!
Дай путеводную нить!

В ветре листвою,
Юной, живой,
Тополь шумит, стоголос.
Горем я пьян,
Мокр мой чапан
От набегающих слез.

Гордым я был,
Горе забыл,
Нынче на сердце недуг.
Тягостно мне:
То я в огне,
То леденю весь вдруг.

1890

* * *

Дорогой долгой жизнь водила.
Осталось лишь одно — могила.
Но мой язык еще мне друг,
Мои слова что зной без мух,
Но слушатель мой слишком глух —
Судьба такими наделила!

И вот я дожил до седин,
Я плел слова — о том, об этом.
Но есть ли в мире хоть один,
Кто б внял моим благим советам?
Я шел путями бытия,
С невеждами боролся я,
И вот я вышел на вершину...
Так бег прерви и на лету
Не втискивайся в тесноту,
Свой шаг умерь наполовину!

Чтоб скорбь на плечи не легла,
Чтобы в тупик не завела,
Душа, должна ты встрепнуться.
И, как птенец, на свет взглянуть,
И крыльями легко взмахнуть,
И снова — ввысь и снова — в путь.
Тебе бы к небу дотянуться!

Как сердцу горе перенести?
В тяжелом сердце слов не счесть.
Пусть слушает, в ком сердце есть!
Душа всё выплакать готова.
Уже печали вызрел плод,
Огонь в груди шумит, и вот —
Оно зашевелилось, слово.

Невежд — не счесть, а ты один,
Над ними ты не господин.
С бессовестными как общаться?
Их одолел зазнайства зуд,
И зло творят, и ложь несут.
И страх прощел: безмолвен суд,
Безумцам нечего бояться!

Глупцов к рукам прибрать? — Едва ль!
Покинуть родину мне жаль,
Но душу гложет мне печаль,
И тянет, тянет к высям горным.
Создатель был ко мне суров,
Всю жизнь терплю от подлецов,
Я одинокий в доме отцов.
Так, значит, надо быть покорным!

Я назван гордо — человек.
Но слава не придет вовек,
Народом пущен конь молвы,
Несется он стремглав, как птица.
В толпу стремишься ты? — Увы!
В толпу не должен ты стремиться.

Ты дома у себя сиди,
Но нет, создатель наш, прости!
Я не могу в дому зарыться.

Допустим, у тебя жена,
И видишь ты: она грешна.
Твоя душа не смущена?
И знаешь ты, на что решиться?
А жить трудней день ото дня...
Такое же и у меня
Смятенье: мучает и — длится.

1890

* * *

Всем пресытиться может душа,
Только песня всегда хороша.
Если ты вдохновенно поешь —
Грудь ликует, свободно дыша.

Голос мой, заливайся и пой,
Гордых дум пусть закружится рой.
Пусть текут мои слезы ручьем
И всю грудь заполняют собой.

Кто шатается по свету, тот,
Как невежда, меня не поймет.
Только твердый душой человек
Этих звуков услышит полет.

А не вникнет в них — всё равно,
Пусть тоскует сердце одно,
Пусть проверит свои слова,
Выльет всё, чем было полно.

Скорбь колышущимся огнем
Поднимается в сердце моем,
И умру я, оставив стихи
Лишь для тех, кто поймет их потом.

Кто несчастней меня живет?
Пусть услышит меня народ.
Кто нуждается в слове моем,
Тот пускай его и возьмет.

Что мне пользы, коль вызовет стих
Восхищение судей тупых?
Пусть уж лучше найдется один,
Кто поймет смысл мечтаний моих.

Много вас, но не каждый казах
Разобраться способен в стихах;
Ни познаний у вас, ни ума —
Вам волками бы рыскать в степях.

Не хотите вы сердца раскрыть,
Слухом стих вы привыкли ловить,
И лишь поверху ум ваш скользит...
Что ж впустую мне вам говорить!

1890

* * *

О любви, душа, молишь вновь,
Не унять смятенье твое —
Так желанна сердцу любовь,
Желанна отраве ее!

Вся тоска, вся горечь невзгод
Над огнем души не властна.
Лишь любовь — твой верный оплот,
Лишь с тобой угаснет она.

А того, кто жил не любя,
Человеком назвать нельзя.
Пусть ты наг и нищ — у тебя
Всё же есть семья и дружба.

Довелось бы брести впотьмах,
Если б дружбы не вспыхнул свет.
Слава — тлен, и богатство — прах,
Если верного друга нет.

1890

ВЕСНА

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля,
Всё живое обласкано солнцем степным,
Пестроцветным ковром зацветает земля.

И смеется, и песни поет молодежь,
Да и старых по юртам ищи — не найдешь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.

На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всем толковать по душам принялись.

Верблюжонка верблюдица громко зовет,
Блеют овцы, в кустах птичий гомон встает,
Мотыльки — над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.

Сколько птицы! В любом приозерном пруду
Трону осоку — и лебедь пойдет в высоту.
Скачешь — смотришь, как спущенный сокол
ручной
Из-под облака лебеда бьет на лету.

Возвращаешься — девушка крикнет: «Постой,
Покажи, что добыл, молодой, холостой!»

И все девушки лучший надели убор,
И долины в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозерных низинах гремят соловьи,
Им кукушки зарей отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев двоятся отары овец:
Тяжек труд у крестьян — пахота и посев,
Но земля им сторицей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Всё, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость природы творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Всё дивится ликующей силе земной,
Всё живет, кроме черного камня-гольца.

Старики одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей;
В голубых небесах — певчих птиц голоса,
На озерах по заводям — крик лебедей.

В полночь — яркие звезды, большая луна.
Как же им не гореть, если полночь темна?
Но померкнули они, лишь наступит заря,
Животворного, ясного света полна.

Звезды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених ее — солнце, — о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи до звезд золотых
И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь всю зиму земля, поседев добела,
Жениха своего терпеливо ждала.
И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Глянуть прямо на солнце — ~~болеть~~ слепотой
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой повитый закатом шатер золотой.

1890

* * *

Я не встречал
Достойных похвал
Ни волостного, ни бая.
Куда ни взгляни,
Рыщут они,
Свой народ обирая.

Не разберешь,
Где правда, где ложь,
Чем свет отличен от мрака.
Везде произвол!
И лют и зол
Волостной, как собака.

На части рвет
Несчастный народ.
Лаем начальству вторя.
Но славу и честь
Не приобрести,
Жатака ввергнув в горе! . .

Я не встречал
Достойных похвал
Ни бая, ни волостного.

Из них любой
Черен душой,
И ложь в устах у любого.

Щедро дарил,
Все блага сулил
В дни, как выборы были.
Теперь он горд.
А зол, как черт,
Словно его подменили.

Правитель плох —
И, видит бог,
Как плохо бедному люду.
Взгляни на съезд,
Съезди в уезд —
Несправедливость всюду!

Народ разобщен,
Запуган он,
Бессильным стал и покорным.
Кто же и где
Поддержит в беде?
К кому обратить свой взор нам?

А жизнь течет,
За годом год
Прошел — и навек потерял.
Ушли и они,
Друзья мои,
В которых был так уверен.

К чему же был
И весь мой пыл,
И вера в себя, и терпенье,
Если народ
Вот так живет —
Без мысли и без стремленья?!

1890

* * *

Взнуздав коней,
Ветра быстрей,
Они спешат на той.
Красуясь в седле,
По всей земле
Ловят призрак пустой...
«Горя ли ждать?
Думать-гадать? —
Гулять!»

Ишан грозит,
Отец сердит —
Советы напрасны тут:
В такие дни
Не верят они
В то, что годы идут.
«Любись-дружись!
И веселись!
Вот жизнь!»

Пора была —
Их ждал мулла,
Читать учил старик.

Ушли от него
И после того
В руках не держали книг...
«Юность вольна
И без вина —
Пьяна!»

Шутки. Смешки.
Труд не с руки —
Конь к байге не готов!
Без дум и забот
Проходит год —
И не видать следов...
«Вся жизнь — без врак!
Один пустяк!
Вот так!..»

Женились. Глядь:
Уж где гулять,
Когда так мал надел!
И жизнь трудна,
Тревог полна,
А юность — «проглядел»...
«Пришла беда. —
Зачем? Куда?»
Гм... да...

1890

Если сердце без просвета,
Ждать добра — напрасный труд.
Но из всех, кто слышит, это
Лишь немногие поймут.

1891

* * *

Он не думает, не видит
Дальше носа своего.
А когда на люди выйдет,
Важничает, — отчего?
Слыша «неуч» не впервые,
Отвечает: «Перст судьбы!
Не равны ли все земные
У создателя рабы?»

Кто глаза души раскроет,
Истину увидит тот,
Солнце правды ум омоет,
Сердце счастьем расцветет,
А невежды душу злую
Ночи мгла заволочла,
Не живя, а существуя,
Он ушел в свои дела.

И мулла в чалме огромной
Вкривь толкует наш закон.
Жаден, слеп душою темной, —
С беркутом не схож ли он?

* * *

В те дни у тебя юных лет огонь
В душе пламенел, был отважен взгляд,
Желаний твоих быстроногий конь
Скакал, не боясь никаких преград.

Надежд — без конца, коротка печаль,
Тебя не давил страданий гнет;
Ты верил тогда: голубая даль
К заветной мечте нас всегда ведет.

Не силою грубой и не мольбой —
Умом, лишь умом ты искал путей,
Не тешил себя ненужной хвалой,
Улыбкой всегда веселил людей.

Ты сдерживать силу свою привык,
Удар отразить отважно умел,
Трепать не любил по-бабьи язык,
А в битве всегда был душою смел.

Но юные дни пролетят, как дым,
Навеки огонь прошлых лет замрет.
Входи ж и теперь стариком седым,
С душой молодой в древний мир забот.

Не каждому верь. Отходи от зла, —
Враг в сверстнике часто бывает скрыт:
Улыбка его на лице светла,
А в сердце давно скорпион сидит.

С друзьями навек связь дружбы упрочь,
А мести к врагам в душе не таи:
Раскаянье — спешки родная дочь,
Терпенья часы — вот друзья твои.

Дверь сердца тому широко раскрой,
Кто с честью сквозь жизнь может имя нести.
Гони от себя подхалимов рой:
В хвале их живет и лукавит лесть.

Изменчивый, лживый и злобный свет
Эдемом зовет молодой жигит, —
Он жаждет услышать от всех привет,
Не видя нигде западни обид.

На празднестве жизни пирует всласть,
Не тратя на выбор дум и хлопот.
Жигита ведет единая страсть:
Он хочет, чтоб славил его народ.

Наивна душа его и слепа,
И верит обману лукавых слов,
Но разве не ложь изрыгнет толпа
В ответ на его простодушный зов?

Солги старику, бессовестный лгун, —
Сдержу я укор. Но не тронь камыш:

Гляди, как он свеж, как он зелен, юн, —
Огнем льстивых слов ты его спалишь.

К тебе ль не идет молодежь толпой,
Лицом на лжеца разве ты похож?
Упрек услышав: «Ах ты вот какой!» —
Что скажешь ты ей, покраснев за ложь?

1891

* * *

На щеках у них лед и жар.
С сердцем, бьющимся сердцу в лад,
Уходя от людей чужих,
Лишь друг к другу они спешат.

Оба чувствуют ту же страсть
И не в силах с пути свернуть.
И в тенистый огромный сад
Их уводит короткий путь.

Осторожно оба идут,
В жарком сердце смиряя кровь,
И по легкому шагу знак
Подает им всегда любовь.

В холодеющих пальцах дрожь,
Дышат оба так тяжело.
Беспричинный какой-то страх
Заставляет бледнеть чело.

Чуть коснется плечо плеча —
Уж склоняется голова,
Губы ищут горячих губ
И пьянеют, забыв слова.

Рядом — дерево шелестит,
В небе — звезд золотой узор,
И, как звезды, дрожат они,
Отражая во взоре взор.

Так собою они полны,
Что весь мир, притаясь, молчит.
В сердце, слабое от любви,
Наслаждение льет лучи.

Тает сердце, побеждено,
И слабеют колена, и
Радость встречи заволочла
Взоры легкой слезой любви.

Где вы, мысли, и где слова?
Он уж близок — забвенья час.
Победительница-любовь
Обойдется сейчас без вас!

1891

• • •

Ты — зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых.
Сердцу мук не избыть,
Столь глубок шрам от них.

И мудрец весь седой,
Покачав головой,
Скажет: «Нет, среди живых
Не встречал я такой!»

Весь в слезах я брожу
И тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу.

Не страшись, что в тиши
Говорю от души.
Иль самой невдомек!
Дивный день предреши.

Ты поймешь до конца,
Что палит нам сердца.
Взор твой скрыт, скромн вид,
Но горяч жар лица.

Холодна ты вполне
И к другим и ко мне.
Боль тая, слезы я
По твоей лью вине.

Косы тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над рекой.
Лоб широк, взор глубок...
Ты лицо приоткрой!

Яркий рот — сладкий мед,
Блеск зубов — словно лед.
Потерял я покой,
Взгляд живой сердце жжет.

Гибок стан и высок.
Гнет его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.

Пусть дотла сердце сжег
Взор, что чист и глубок.
Страсти раб, я ослаб,
От любви занемог.

Ты грустна — даль темна.
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна.

То гневна, то нежна...
Ты пьяни допьяна!

Что мне дом без тебя,
Мне и жизнь не нужна!

Как восход, как закат
Зоревой твой наряд.
Лишь взгляну на тебя —
Жаждой весь я объят.

Лучше ты во сто крат
Всех похвал, что твердят.
Должных слов не найду,
Что восторг утолят.

Знает млад, знает стар:
Красота — божий дар.
Нам пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены.
Сердцу ты, только ты,
Шлешь мечты, даришь сны.

Все, как я, влюблены,
Все, как я, не нужны.
Сердца стон так звенит,
Что слова не слышны.

Но к тебе нас манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнет —
Страсть сильнее закипит.

Кто не смел — не жигит.
Злая страсть нас томит,
Скоро ль день тот придет,
Что мой жар утолит?!

1891

* * *

Я гордо презирал невежество и тьму,
Всегда считал глупцов достойными презренья.
Мне переделать мир хотелось одному,
Но переоценил я разум свой и рвенья.

Поддержки не найдя, я отбивался сам,
Когда глупцы со мной вступали в пререканья,
И были умники глухи к моим словам,
Храня, как водится, упорное молчанье.

И страшно мне на них остановить свой взгляд:
Как одержимые, они проходят мимо.
То заартачатся, то пятятся назад,
И мысль их для меня вовек неуловима.

То соглашаются, то отступают в тень,
То петушатся вновь, пустую спесь удвоя...
Нет больше сил моих, за днем уходит день,
И хочется душе последнего покоя.

Как кляча, я устал. Я гость детей своих
И собственной жены. Мне чужды эти стены.
Известен хорошо мне нрав моих родных,
Да и в народе я не вижу перемены.

Я вовсе не бедняк, но я в тоске живу
И горестно о том порою размышляю.
Когда приходится, своими вас зову,
Но пред лицом людей я от стыда сгораю.

Раздор из-за чинов, насилье, клевета,
Болезненная страсть к волнениям и заботе...
Бродяги, неучи, как ваша жизнь пуста,
И что из слов моих вы, пьяницы, поймете?

Дар дружбы истинной и мир души они
Мнят делом тягостным, достойным лишь
презренья;

Обман и воровство им более сродни,
И видят в них они свое предназначенье.

Подальше будь от них, о честный человек,
Устал я, и твоя иссякнет так же сила.
Я разум в них будил, но я свой прожил век,
Они ж не слушали, и всё напрасно было...

1891

* * *

Что ты ждешь, душа, что ты ищешь?
Беспокойно вести жизнь такую?
Всё стремишься куда-то, всё рыщешь.
Сядь-ка рядом, дружок, — потолкуем.

Лишь о ком зашумят без умолку —
Глядь — и слава бежит повсеместно.
Но от этой хвалы много ль толку,
Коль причина ее неизвестна?

Не помянет глупца добрым словом
Тот, кто разум имеет в запасе.
Справедливым внимай да толковым —
Вот и станет глупец не опасен.

Восхваленья льстеца все лукавы,
И душе есть в них польза едва ли.
Добиваются многие славы,
Чтобы больше уж их не ругали.

Всё продажно — и слово, и дело, —
Покупать не спеши — жди подвоха.
Кривда вновь колесо завертела,
И в чести у ней лжец и пройдоха.

Коль продажны слова, то к чему же
Покупать их. А так ведь бывает,
И продажная женщина мужем
Лишь того, кто ей платит, считает.

Никогда меня лезть не прельщала,
Как меня бы порой ни хвалили.
От глупцов на земле толку мало,
Смерть придет — станут все горстью пыли.

Жизнь, богатство и почести эти
Как вода утекают лукаво.
И в плохом, и в хорошем на свете,
Коль подумать, — одна лишь отравя.

1892

* * *

Сердце, не бейся тяжко в груди!
Стало для всех ты смешным, пойми!
На прежних друзей своих погляди:
Можно ль назвать их людьми?

Блеет ягненок, зовет к себе мать,
Но стихнет — и снова щиплет порей.
Сердце, куда ты рвешься опять,
Чаще стучишь и сильнее?

Верности тщетно жаждало ты
И много пролило горьких слез, —
Что же опять, среди темноты,
Бродишь, как брошенный пес?

Мной помыкало ты — помнишь? — всегда,
Бросить хотело меня совсем;
Скоро придет моя черед...
Нужен тебе я... Зачем?

1892

* * *

Мне боль ученье несет,
Тоску прозренье несет,
Слова печалью полны
От горьких слез и забот.
За днями тянутся дни, —
Откуда радость придет?
Не сможет конь обскакать
Бескрайних моих невзгод!

Униженных стариков,
Скажите, где только нет?
Коль ты и зорок и трезв —
Увидишь ли в жизни свет?

Что деньги, коль нет ума?
Что гордость, коль в сердце тьма?
Твой сын с пеленок хитрит,
Душа его — ложь сама.
Все почести от врагов —
Напрасная кутерьма,
Тому, кто сыт и богат,
Дорога к счастью пряма,

А нищим — один почет:
Их голод ждет да сума.

Ты любишь сидеть в гостях,
Ведь знаешь: у нас в степях
К веселым, добрым друзьям
Привязан сердцем казах!
Певец голосить начнет —
Обступит его народ,
Ругает, может, в сердцах,
Но рот ему не заткнет. . .
А если в его словах
Начнут сомневаться вдруг,
Насмешек боясь, казах
Покинет дружеский круг.

Чем болен наш край родной,
Рассказ вам откроет мой:
Одни задрали носы,
Всегда довольны собой;
Другие, «блюда закон»,
Шумят за нашей спиной,
А третьи всем хороши,
Да только ханжи душой;
Четвертых в Мекку влечет,
К далекой земле святой,
А здесь когда выполнять
Им долг мусульманский свой?

Несчастный, нищий старик
Бежать от людей привык.

Бывает: в большой семье
Какой-нибудь спор возник,
Барана режут тогда,
Садятся мал и велик,
Тут все советы дают,
Лишь он головой поник...
Остатки барана ешь —
Иль с голоду мри, старик!

Ведь если честно сказать,
Где нет таких стариков,
Беспомощных бедняков?
Удел их всегда суров...

1892

ОСПАНУ

Пока твой развернутый стяг
Победно не выхватил враг,
Пока не пятнал тебя знак
Позора среди стычек и драк,
Пока ты красуешься так,
Пока твое сердце — маяк —
Пылает, аля, как мак,
Пока ты всем веришь, добряк,
Пока на джайляу твоих
Плодится по-прежнему злак,
Пока твой поток не затих,
Пока он еще не иссяк,
Пока не одел тебя мрак,
Пока не запнулся твой шаг, —
Поверь мне, что жребий твой благ.
Покойно в могилу ляг!

1892

* * *

Холод, жар... Молод, стар —
Каждый знал страсти власть.
Но, родник дивных чар,
Без следа сгинет страсть.

Ясный свет юных лет,
Вера в жизнь и мечту, —
С чем сравнить вешний цвет,
Юных лет красоту!

То, гордясь, говоришь:
«Помню я счастья дни!»
То, стыдясь, говоришь:
«Что мне в них, где они!»

Эти дни для тебя —
Смутный сон, жалкий бред.
О былом, прожитом
Толковать смысла нет.

Слов живых не дано.
Ты весь век жил темно
И чужих слов живых
Не поймешь всё равно.

1893

180

* * *

Здесь добро забывается скоро,
Зло надолго заводит ссоры,
Конь надежды, ослабив повод,
Не спешит к нам, полный задора.

Как его ты ни гнал бы плетью,
Конь уступит дорогу бедам:
Об одной не успел подумать —
Сотни новых несутся следом;
Рыщет горе-жигит за нами,
Не расстаться нам с грозным дедом!

Пока не рассеются тучи,
Не увидишь ясной лазури;
Пока сердце тревога мучит,
Душа не осилит бури.

Пока не развеется горе,
Губ твоих не коснется улыбка...
Терпи же, с невзгодой споря,
Не склоняйся — по-рабски гибко.

Кто безволен и слаб душою,
Сам заслужит себе воздаянье:

181

Налетят беда за бедою,
Обрекут его на скитанья.

Так встречай же несчастье грудью,
Отражай его твердой рукою!
Но хитры и лукавы люди,
И лишают меня покоя.

1893

* * *

Вот и осень моя подошла, —
Разве осень страшится преград?
Сердце майского хочет тепла,
Только май не веротишь назад.

А у многих в душе вечный снег, —
Расцветет ли подснежник в снегу?
Лишь несущий огонь человек
Не собьется с дороги в пургу.

Никогда не пуститься в полет,
Устремляясь в простор голубой,
Тем, кто черной корыстью живет
И не знает заботы другой.

Их движенья полны суетой,
Хитрых мыслей полна их душа:
Заявиться к соседу на той,
Пировать, не истратив гроша

Почему бы привольно не жить
Тем, кто век воровал, плутовал,
Ждал минуты — свалить, задушить,
Кто и хитрость свою продавал?

«Трусы» — лучше им клички не дашь,
Чем их подлый завет не хорош:
«Если совесть свою не продашь,
Так и счастье свое не найдешь»?

1894

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Бессловесен язык любви.
Сердце к сердцу взором зови.
Юность знает всегда свой путь,
Если только любовь в крови.

Сам ты этот знавал язык
И умел идти напрямик,
Но теперь его понимать
Ты уже навсегда отвык.

1894

Тверже ногу, шагай смелей,
И тогда не погибнет труд.
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно, в земле прорастут.

1894

* * *

Будь разборчив в пути своем;
Если ты талантлив — гордись
И надежным лишь кирпичом
В стену строящуюся ложись.

Убегающий — видит путь,
Догоняющий — вслед спешит.
Воля с разумом их ведут.
Справедливость — вот свет души.

Если воля есть, ум живет.
Доброты же без правды нет.
Впереди огонь, сзади лед,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи — смотри,
Недостатки искусно скрыв,
Лишь в борьбе победу бери.

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти.
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

* * *

Я много мудрых слов сказал до этих пор,
С печалью устремлял я в будущее взор
И думал: умные проникнутся стыдом
И станут честно жить, народу не в укор.

Но из народов вы — болтливейший народ,
И с первых слов никто друг друга не поймет.
Без сердца жаркого и без горячих слез
Нельзя вам растопить одевший душу лед.

О, не упорствуй так, народ упрямый мой,
Моих речей пойми, подумав, смысл прямой.
Быть может, для себя в них пользу
ты найдешь,
Не для забавы здесь я говорю пустой.

Смотри, не заблудись и знай, куда идти,
Пора уж выходить на верные пути.
Когда нет знания и нет любви к труду,
То научись теперь хотя бы скот пасти!

1895

188

* * *

О жирной еде помышляет голодный живот,
А сытое брюхо — еды позатейливей ждет...
Известно, что сытость — уже половина богатства;
Казах никогда мимо вкусной еды не пройдет.

Голодный казах, чтоб от смерти себя уберечь,
Ты ходишь без дела, мечтаешь еду подстеречь.
Не знаешь ты пищи прекрасней кумыса и мяса, —
На нищенство только судьба тебя может обречь.

Когда бы и мясо имелось для всех, и кумыс —
Иные надежды в сердцах у людей бы зажглись.
Не каждый ведь день и поесть-то тебе удастся,
А рабским трудом ты попробуй, казах,
прокормись!

Чем в собственном доме накормишь себя и детей?
Бредешь по аулам: кумыс или пара костей —
Вот жалкая плата за труд изнурительный,
тяжкий,

Его-то отыщет всегда для тебя богатей.

Ты в горы уйди, но с достатком вернись,
со скотом,
В ауле никто не посмеет смеяться потом!

189

Жизнь — ветер пустой, если вся она — только
скитанье,
Пусть сила и риск в твоём сердце живут молодым.

Без смелости, воли счастливым не стать никогда,
Не стать человеком тому, кто не любит труда;
Хоть чисти осла — никакой не гнушайся работой,
И руки, и честь сохранишь в чистоте ты тогда.

А если богатства ты хитростью, ложью достиг,
К безделью привык, к воровству и обману привык,
Поплатишься горько за низкие эти повадки,
Покою лишишься, ведь счастье такое — на миг!

Одним пустомелям чужие подачки нужны.
Что взято легко, никакой не имеет цены,
Ведь если добыл без труда ты богатство
и счастье —
Растают они, словно снег под лучами весны.

Украсил одежду, коня — и помчался вперед:
Проворный бездельник за пищей охоту ведёт!
Не следуй за ним: невдомек шалопаю, как видно,
Что он за объедки и совесть и честь продает.

На наших просторах немало подобных бродяг —
Веселых проныр, что шныряют, как стаи собак.
Презренья достоин беглец из родимого дома, —
Смотри, не примкни к этой своре бездумных
гуляк!

1895

• • •

Умерло детство — а ты не знал?
Дни радости растерял?
Прошла юность — не удержал?
Встречай же старость — не ждал?
Быть может, в жизни не раз
Непостоянным бывал?
Не раз себе изменял?
Быть может, несчастный, умрешь,
Как тот верблюжонок в хлеву,
Что хлева и не покидал?

1895

* * *

Когда баран войдет в ручей, воде жирней
не стать,
И нам смешно, коль станет волк, спеша, ее лакать.
Как этот волк, гляжу кругом, не вижу ничего.
Ужель просторный этот мир мне мыслью
не обнять?

Ужель с рождения тебя особый метил знак
И всю вселенную зажать ты хочешь в свой кулак?
Бедняжка мысль твоя парит в небесной вышине,
А здесь опоры на земле ей не найти никак.

Но человеку можно всё постичь своим умом,
И уступает наша мысль лишь пред одним творцом.
Я засыпаю, утомлен, и, вновь открыв глаза,
Стараюсь тайну разгадать в дерзании своем.

Но я сомнений отрицать не стану наобум,
Где нет сомнения в душе, там, значит, нет и дум.
И что порой бессильна мысль — меня не тяготит,
Ведь мыслить лучше, чем всегда держать
в дремоте ум.

Мы рождены, чтоб мыслить, жить, и кровь нам
дал аллах,
Так как же думою своей не жить нам в небесах?
Ты и не думая придешь к началу своему.
Желаний лучших обрести земной не может прах.

Путь жизни — узкая тропа иль напряженный лук.
Пока ты жив, его аллах не выпустит из рук.
Запомни твердо: правды нет в извилистом пути.
Не поскользнься, идя в полет, вернее целясь, друг!

1895

Но тщетны слезы твои,
Ты воскресить не вольна.
Час пробил, песнь замерла,
И вновь не дрогнет струна.
Где ж день, что нынче сиял?
И тень его не видна!
Каким на свете цветам
Краса надолго верна!
Изменчив он, этот мир,
Что озаряет луна!
Тоске покорный — погиб,
Темна ее глубина.
И ты слезами, Магиш,
Печали не утолишь.
Твой сокол к солнцу взвился,
Ему земля не нужна.
Из всех детей моих, смерть,
Ты лучшего избрала.
О, тяжело мне, тяжело мне
Среди любимых моих!
Не плачь, Магиш, пощади
Отца, и мать, и родных.
Судьбы нам не одолеть.
Будь сильной силой живых.
Душа страданьем пьяна.
Утрата столь велика.
Друг другу надо помочь.
Я стал бедней бедняка,
Меня сгибает тоска,
Опоры ищет рука,
А где она, где она?!
Лишь горечь сердцу близка.

Ему отрады не знать.
Мне наша скорбь тяжела.
Мой сын не встанет от сна.
Мне трудно стало с людьми.
Навеки я одинок.
Магиш, родная, пойми!

1895

ОПЛАКИВАНИЕ АБДРАХМАНА ЕГО ЖЕНОЙ МАГИШ

Создатель! Сколько горьких слез
Ты захотел мне ниспослать!
В младенчестве мне довелось
Оплакивать родную мать.

Огонь мне душу сжег дотла,
Мне этой боли не снести,
Я счастья столько лет ждала,
А ты пресек его пути.

Меня терпению ты учил,
А я еще так молода.
Теперь меня ты разлучил
С моим Абишем навсегда.

Увял красы моей цветок,
Сухой травую стала я.
Печали ты меня обрек.
Увы, вдовою стала я.

Мне только двадцать две весны,
А с милым я разлучена.

Нет, не были мне суждены
Безоблачные времена.

Огонь мою сжигает грудь,
Терпеть мучения невмочь,
Дней пролетевших не вернуть,
Печали горькой не помочь.

Души глубокой лишена,
Мечты высокой лишена,
Любви до срока лишена,
Быть одинокой я должна.

Не осушу отныне глаз,
Изражена душа моя:
Был не со мной он в смертный час,
С ним даже не простилась я.

Невысказанные слова
Теснят мне грудь. Я слезы лью.
Покуда я еще жива —
В слезах топлю тоску мою.

Творец! За что ты мне послал
Неизлечимую печаль?
Зачем туманом ты застлал
Земных дорог глухую даль?

Под черным покрывалом я
Бреду с поникшей головой.

У опустевшего жилья
Супруга след зарос травой.

Не передать мне вещей дум,
Которыми томился он,
Не описать высокий ум
И то, к чему стремился он.

С рожденья скромн, справедлив,
Был многодумен мой супруг.
Со всеми ровен, не кичлив —
Был так разумен верный друг.

Умчалось наше счастье прочь,
Пришел лихой беды черед.
На сердце скорбь сошла, как ночь,
И солнце больше не взойдет.

Всё выплачу, всё расскажу.
Пускай узнает целый свет,
Что я в глубокой тьме брожу,
Что солнца в мире больше нет.

Бежит река горючих слез.
Как мне ее остановить?
Ждала я счастья... Не пришлось
Гнезда в холодном мире свить.

Мы в мире только раз живем.
Зачем же стало так темно?

Жить с горькой долею вдвоем
Мне до могилы суждено.

Увы, я тщетно смерть зову,
Она не слышит, не идет,
Ужель не знает, что вдову
Отныне только горе ждет?!

Не вожделием томим
Мой дух, но нет душевных сил.
Ты дуновением одним
Надежды светоч погасил.

От смерти лишь спасенья жду,
Одна лишь смерть развеет тьму, —
Я исцеленья не найду
Мученью, горю моему.

Лечу с горы быстрее, быстрее,
Опору потеряв, лечу.
Погасло всё в душе моей,
Нет места светлому лучу.

Под черным солнцем я жила —
Так с детских лет мне суждено.
Мне с милым ночь была светла,
А нынче мне и днем темно.

Душой бескрылой не взлетишь,
Не жду я завтрашнего дня.
Как сон явился мне Абиш,
Как сон покинул он меня.

Разлуки час неволю, —
Как вечную мне пережить?
Чем мне заполнить пустоту?
Чем раны сердца залечить?

И вдалеке от мест родных
Он, словно солнце, грел меня,
С вершины чайный моих
Упала в бездну я, стена.

Всё, что отрадой было мне,
Земной усладой было мне,
Зеленым садом было мне, —
Ушло... Жизнь адом стала мне.

Два года с ним мы жили врозь,
Два долгих года, полных тьмы!
И свыкнуться нам не пришлось,
И вот уж разлучились мы.

За что, за что, создатель мой,
Ты землю превращаешь в ад?
Не ты ль нас одарил мечтой?
Чем бедный смертный виноват?

Безрадостно на свет гляжу,
Томит меня разлуки грусть,
Листком березовым дрожу,
Вот-вот и с веточки сорвусь.

Прощай навеки, радость дня,
Я утешенья не ищу.

Нет больше силы у меня,
Как жаворонок, трепещу.

В огонь метнусь — в огне сгорю,
А в воду — захлестнет вода,
Ничтожно то, что говорю,
Но велика моя беда.

1895

* * *

Стяжателью одно лишь тешит душу — скот,
И не стыдится он обманывать народ.
Позорный раб своей наживы, он трясется,
Когда к его столу бездомный подойдет.

Зачем свои стада он множит без конца?
Чтоб зависть низкую вселить во все сердца.
Он, грязная свинья, других считает псами,
За кость готовыми служить у подлца.

Ум, честность в наши дни не слишком ценный
клад,
Владельцам их они богатства не сулят.
Крупинки золота ищи в навозной куче,
Весь изваляйся в ней, коль хочешь быть богат.

Прочтя мои слова, обдумай их в тиши!
Награда нам за труд милей, чем барыши.
Корысть позорит нас, нельзя прожить достойно
Без светлого ума, без пламенной души.

1896

* * *

Чужим я чувствую себя среди стариков,
Не нахожу с детьми своими общих слов,
От сверстников, хотя б они родными были,
За тридевять земель я убежать готов.

Обилья прежнего ни в чем давно уж нет,
Блуждаю, в рубище унылое одет,
Всё стало для меня безвкусным — сон и пища,
И головою я, и бороною сед.

Теперь уж не страшна угроза клеветы,
Ведь ты, утративший все юные мечты,
Старик ворчун, двора чужого дряхлый
сторож,
Ты выжил из ума, кому же нужен ты?

1896

• • •

Красотка девушка у хана жила.
Всё отдавал он той, что сердцу мила.
Ходила в золоте, в цветистых шелках,
Толпа служанок с ней повсюду была.

«Как бык плодлив, так вол шумлив» — говорят.
Пирует старый хан, прославлен, богат,
А девушка от брачных ласк старика
В пучину бросилась, срывая наряд.

Что сердцу юному до пышных затей!
Друг сердца девушке всей жизни пужней.
А кости дряхлые, что жаждут вернуть
Былую молодость, зачем они ей!

Со стариками ль жизнь связать молодым!
Не сдастся сердце — ведь лесь как дым.
Невесты старше ты на двадцать пять лет, —
Не станешь мужем ей, пусть отдан калым.

Жен молодых глупцы томят взаперти,
Девичью молодость украв на пути.
Откуда к старику любовь прилетит!
Она ж не телка, чтоб насильно вести!

У бая старого в деньгах сила вся,
Но снова юным стать за деньги нельзя.
Презренный, чью-то дочь купив за калым,
Ты, старый, дурнем стал, о счастье прося.

Что на уме у ней? — старик не решит,
Но ладят меж собой, живут без обид.
Опутала тебя, а ты уже рад.
Смотри, что с тобой бесовка творит!

Бай старый, берегись, тебе говорят!
Доверившись жене, ты будешь рогат.
Пропавший человек, коль счастье наше,
Едою и женой хвалясь всем подряд.

С безвинной байбише бранится старик,
Но молодуху лишь смешит этот крик.
Сухой курай — одна, другая — цветок.
Когда же снег и зной сжились хоть на миг!

Вилание хвостом не скрасит твой брак,
И по спине хлопки не сблизят никак.
Между сердцами год пути, долгий год.
Как их соединишь ты, старый дурак!

1896

* * *

Весь мир эта песнь облетит кругом,
Согретая мысли твоей огнем,
Мелодия — мысли светлая тень —
Пусть нежит наш слух в звучаньи своем.

Несется на крыльях порыв твоих дум,
Баюкая сердце, тревожа ум;
Напевы таят всю радость земли, —
Глухой лишь не слышит их властный шум.

И спящее сердце песня зовет,
С собою уносит в бескрайний полет;
Будя то печаль, то желаний рой,
Как няня дитя, его обоймет.

Но много ли тех, кто, напев уловив,
Свой отклик пошлет на его призыв,
Чье сердце волненьем охватит он;
Прекрасный и грустный, как шелест ив?

Тоскует, скорбит и манит запев,
Душою ему внимать повелев,
И вот уже с ней, покорной, слились
Вся страстность его, и любовь, и гнев.

Есть песня пустая, есть песня-друг:
Одна, всё фальшивя, терзает слух,
Другая, как речь мудреца, звучит
И ввысь уносит усталый дух.

В шесть строф я вложил всего сердца пыл,
Для чутких всю суть моих слов открыл, —
Тупиц озадачат они — так что ж?
Другим я пою, кто Абаю мил;
Смысл песен моих будет ясен тем,
Кто в сердце своем огня не гасил.

Весна — впереди, позади — холода,
Веселье — в грядущем, в былом — беда.
Хорошую песнь всей душой прими,
Она для тебя — ключевая вода.

* * *

Час улыбнется иль миг такой:
Сердце в себя уходит — и вот
Свет вдохновения, свет благой,
Сизое облако чувств прорвет.

Многообразьем красот искрясь,
Всё зажурчит, как горный ручей.
С сердца отмоется будней грязь,
И упадет пелена с очей.

Весь напряжется он, как тетива.
Вспрянет душа ото сна — и вновь
Дети всеильной мысли — слова —
Плоть обретут и жаркую кровь.

Стянет потуже поэт свой стан,
Вдаль посмотрит — назад и вперед. —
Каждое слово, как талисман,
К мысли заветной он подберет.

Взглянет он зорче степного орла,
Струны раздумья в душе теребя.
Против невежества, против зла
Он обращает свой гнев, скорбя.

Люди слово его пронесут —
Близким и дальним — из края в край.
Суд справедливости, разума суд,
Ты рассуди и ты покарай!

Сердца неистовство, жар ума,
А языка — ядовитее нет.
Что б ни писал — то жизнь сама...
Как ни хулите — таков поэт!

1896

* * *

Грядущее скрыто туманом от нас,
Надежды лучом озаряясь подчас.
Ты смотришь в упор: время гонит часы,
Безлики они — не порадуют глаз.

Подобно минувшим, грядущие дни
Приходят, уходят, друг другу сродни.
Меж них и тебе предназначенный срок.
Аллаху лишь зрима судьба искони.

«Я», — разум промолвит. Плоть скажет:
«Мое», —

Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное «я» никогда не умрет.
«Мое» — это только земное жилище.

Зачем же «моим» ты так жадно живешь?
Сладка тебе плотская краткая дрожь.
Добро, справедливость — вот наши друзья.
Могильный порог с ними перешагнешь.

Ты можешь за золото душу продать,
Грехом замутить безупречную гладь,
Но жизнь твою радость похитит, поверь,
Коварнее жизни не сможешь ты стать.

Напрасно своим мыслит мир человек.
«Мое», — это капля воды среди рек.
Подумай: что плоть и земное добро,
Коль дух оторвется от тела навек?!

Беспомощных лучше жалеи и сирот,
Деяний твоих не испортится плод;
О людях заботился даже творец,
Полюбит тебя он, коль любишь народ.

Но помни: толпа и народ — не одно.
Есть люди и волки — уж так суждено.
Так будь справедливым, как истинный муж,
Коль сердце твое милосердья полно.

Всем смертным удача и благо нужны,
Но зло от добра отделить мы должны:
Пройдохи с невеждами сядут на мель,
Лишь вера и правда — на гребне волны.

1897

• • •

Грубый крик, рев осла —
Не одна ль досада нам?
Лгать себе без числа —
Разве в том награда нам?

Речь глупцов как зола,
Ах, того ли надо нам?
Жизнь, что зря отцвела, —
Есть ли в ней отрада нам?

1897

• • •

Сроки дней своих знает ли трава,
Из земли весной выглянув едва?
Ростом с тополь стать, вознестись до звезд,
Солнцем опьянен, хочет стебелек;
А что зимний мрак остановит рост,
Умертвит ее — травке невдомек.
Юности задор видеть я привык,
Но придет ли к ней недоступный миг?
Не хвались, что ты станешь выше всех, —
Твой угаснет пыл, станешь сам старик.

1897

И начинает земную лесьть
Правдой считать душа моя.
Разве на свете отравы есть,
Какой бы не выпил до капли я?

1897

* * *

Красивой песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон,
Люби их, как я, — от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И пламенем сердца я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом,
И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом?

Я вспоминаю былые дни:
То горе, то радость, то любовь, —
И всё, что было мечте сродни,
Живою плотью одето вновь.

Вновь наполняет уши мои
Шорох давно отлетевших дней;
К мыслям былым влекусь в забыты,
Прошное в сердце встает ясней.

* * *

Разрознен мой родной народ,
Расколот, разобщен.
Мне жить спокойно не дает
Вражда со всех сторон!

Я всем всегда помочь был рад.
В моих глазах равны
Бывали все: и стар, и млад,
И бедность, и чины!

С людьми делил я всё, что есть...
Что ж отнял я у вас,
Чтобы мою позорить честь
Бесстыдно всякий час?

Народу отдал я любовь, —
Что ж с злобой палача
Вы раните мне сердце в кровь,
В грязи его топча?

Клеветаете на всю семью...
Отнять покой, мечты,
Отнять мой дом, жену мою —
Цель вашей клеветы.

Довольно! Не вобьете клин!
Оставьте лживый суд!
Не меряйте на свой аршин —
И так мне душно тут!

Ваш клеветнический язык
Еще гнуснее дел!
Таил я возмущенный крик,
Но есть всему предел!

1898

* * *

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния пред грозой,
Что прорвалась из черных туч.
О язык мой, огонь стихов,
Непонятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не шадил
И явил искусство свое.
Но по-прежнему спит народ,
И ничто его не проймет.

Слово, понятое умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Пусть он темен еще для них.

1898

220

* * *

Разве не должен я, мертвый, глиной стать?
Должен буйный язык девою чинной стать;
Сердце мое, где гнев и страсть бой вели,
Вскоре, увы, должно хрупкой льдиной стать.

Близок тот день, когда мне пред судьбиной стать.
Медлить может смерть, может лавиной стать.
Сердце, нетрудно конской прыти твоей
Жертвой толков злых вслед за кончиной стать!

Стану немым я, не прогремлю опять, —
Внукам судить меня, что с потомства взять?
Кровь моя черна, в язвах сердце мое...
Дважды нас в одном можно ли обвинять?

В душу взглядись глубже, сам с собою побудь:
Я для тебя загадка, я и мой путь.
Путь я стлал для тебя, знай, потомок мой.
Против тысяч сражался, — не обессудь.

Мир мне впору был, юному силачу.
Гневу, спорам в дань я возжигал свечу.
Враг меня донять силится клеветой.
Ринулся я бы вслед, — поздно! Не доскачу...

221

Вольные мысли мои терпели гнет.
След мой тебя с прямой дороги собьет.
Вдоволь выстрадал я, вдоволь плен терпел, —
Надо ль будить того, кто навек уснет?

Яд и чад во мне, пусть я с виду иной.
В жизни мало успев, кончу путь земной.
Песня болтлива — зря тайну вверил ей...
Лучше, право, ей смолкнуть вместе со мной!

1898

* * *

Если мысль за волею вслед
Оскудеет в сердце пустом,
Ты, утратив разума свет,
Станешь тварью, темным скотом.

Мой безвольный разум, скользя
По верхам, нейдет в глубину.
И душа устала, друзья!
Одрыхлел я, тянет ко сну...

Коль смиришь ты жадную плоть —
Жаль ее, беднягу, тебе.
А не сможешь плоть побороть,
Одолеет она в борьбе.

Ведь у тварей душа темна
И не знают мыслей скоты.
Вовсе красок жизнь лишена,
Если вглубь не стремишься ты.

Человеком назваться я
Не могу, окруженный тьмой.
Как найти мне смысл бытия,
Коль народ невежествен мой?

1898

* * *

Позабуду ли юность я?
В сердце жар, голова ясна,
Кто ни встретится — все друзья...
Беззаботные времена!

Всё: веселье, любовь, стада —
Было общим для нас тогда.
Совесь чистая, свет надежд. —
С чем я эти сравню года?

О Аллах, так где же они —
Дни любви и веселья дни?
Удалились они — и вот
Не отыщешь следа, взгляни!

Умоляю, страдаю я,
Проклинаю, скучаю я, —
Не догонишь, ушли они,
И любовь ушла, и друзья...

Дай мне слезы — буду рыдать,
Дай терпение — буду ждать,
Пусть надежда лечит меня:
Не придет ли юность опять?

1899

224

* * *

На сорок лоскутьев тоскою
Растерзано ты — каждым днем...
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всем!

Те — взяты землей, те — враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот — ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое,
А где нам с тобою ответ?

А как ты горишь болью злою!..
Мечты! Оглянись на них
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

1899

15 Абай

225

* * *

Человек — мешок для мяса и костей,
Смерть уносит его, как скарб — казначей.
Как часто слышишь: «Ты низок для меня!»
Поверь же мне: глупость — мать подобных
речей.

Лишь вчера — дитя ты; сегодня — старик,
Жизнь уходит в землю, как иссякший родник.
Люби человека, люби красоту, —
Что мог бы еще назвать благом язык?

1899

* * *

Собаку я выкормил из щенка —
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка —
И сам мишенью стал!

1899

* * *

Одинокое, не ищи,
Сердце, отклика на пути.
Мысль моя, задержись, молчи,
Коль пристанища не найти!

Чувство высказанное — ложь,
Безответен души призыв.
Так куда ж ты, сердце, влечешь,
От всего меня отлучив?

Счастье, дружба, любовь, покой,
Оценила вас жизнь в гроши;
Ими платят беде людской
Лицемерные торгаши.

Суд народа для них безмен,
Чтобы взвесить хулу и лесть, —
Мастера в ремесле измен,
Позабывшие стыд и честь!

С кем тоску свою разделить,
Если дружба не ко двору?
Чьим сочувствием утолить
Одиночество и хандру?

Всюду подлость одна и та ж:
Пожалеешь кого, а тот
Деньги станет кланчить; не дашь, —
На тебя ж сердясь, уйдет.

Но войти продажным словам
В сердце искреннее невмочь.
Льстивый плут ни себе, ни вам —
Никому не может помочь.

Ты напрасным горишь огнем,
Горевая душа моя!
Это пламя — что толку в нем?
Где любовь твоя, где друзья?

1900

Средь пшеницы в поле — польнь.
Поле жизни мудро пройди.
Скажи печали: остынь!
Умри, как странник, в пути.

1901

* * *

Когда станет длинною тень
И закат прохладно багрян
И, путь завершая, день
Шагнет за дальний курган, —

Запечалюсь я в тишине,
Овладеет вечер душой.
Вечерний сумрак в огне.
Жизнь — вся уже за спиной.

Тропа за спиной — жизнь твоя,
Тропа, по которой ты шел:
Беды прошла колея,
Прошло по ней горе — вол.

И топтал ее человек,
И не раз заносил песок. . .
Добывай, стяжай весь век, —
Жизнь спросит: «Какой в том прок?»

Мысль — щенок, забытый в степи.
Не найти кочевья ему.
Плохую память приспи, —
Вздых и досада к чему?

• • •

Я надеялся — листья надежды желты.
Я так долго мечтал — обманули мечты.
Сердцу тяжело, тревожно, когда вдалеке
Проступают тех дней миновавших черты.

То не жизнь позади, а несбывшийся сон!
Лучше б жил я от светлой мечты отрешен.
Погляди на себя: есть ли сила в руках,
В сердце — жар и лицо разругали ли он?

Как миражам степным, людям верить нельзя.
Мир и правда чужды им: друг другу грозя,
Лгут, лукавят; заемные мысли у них.
Поступайте, как сердце велит вам, друзья!

1901

• • •

Кумыс — казаха питье,
С ним гостю привет и честь.
Но нужен жирный кусок,
Чтоб этот кумыс заесть.

Прохладе кумысу
Баранину вслед готовь.
А если молоды мы,
Кумыс горячит нам кровь.

Пей лучше тихий айран,
На смирном ездя коне,
Чтоб вора не соблазнить —
К тому ж по своей вине.

За табуном с холма
Следит он — во все концы.
Нет, если раскинуть умом,
Чем лошадь лучше овцы?

Не стоит из-за коней
Гнуть спину перед толпой.
Не хвастайся, говоря,
Что сладок кумыс степной.

Не стоит кичиться зря,
Внимать совету глупца.
Уж лучше — в кармане грош,
Одна, но своя овца!

1901

* * *

Ангел молнии, Рагит,
Как стрела, к земле летит.
Опрокинутый на землю
Дождь ее животворит.
Сила молний — наповал.
Силу слов ты, друг, познал,
Если их, как молний силу,
На себе ты испытал.
Мимо этих слов пройдет
Взяточник и обормот.
Нищенка-душа не примет
Огненных таких щедрот.
Примет молнии-слова,
Кто устал от плутовства.

Не пора ль к рукам прибрать
Болтунов всеильных рать?
Что за страсть у всех такая —
Только знают врать и рвать.

1903

Но как устала она
В байге пестрящего дня!..
Я верю, что ты должна
Вывести меня!

* * *

Домбры не трогай рукой,
Дрогнувших струн не рви.
Не бейся, сердце, постой.
Слез к очам не зови...

А слезы бегут по щеке —
Старая скорбь жива.
Отяжелев, в тоске
Склоняется голова.

К тому, кто поник душой,
Чья боль живет взаперти,
Взор лучезарный свой,
Любимая, обрати!

Прошу тебя, погляди,
Молю, погаси костер:
Он ведь в больной груди
Тлеет с давнишних пор.

Развей, разгони беду,
Коснувшись нежной рукой, —
И к цели я пойду,
И чист и прям душой.

• • •

Пахаря славный труд хорош.
Радость труда в ученьи найдешь.
Баем быть, в волостных ходить —
Не дело это, а ложь!

ПОЭМЫ

Но алчность его становилась сильней,
Целый мир вскоре стал мал и тесен ей.
Говорили тогда про него льстецы:
«Искандер — владыка владык, царь царей».

Победы его разглашали гонцы,
Его слава летела во все концы.
Он в далекие страны грозой пошел —
Соберут кровавые жатвы жнецы.

Беспощаден, смел, кровожаден и зол,
Выше туч воспарил Искандер-орел.
Цветущие земли, пространства пустынь —
Нигде он предела себе не нашел.

Случилось, в одной из бесплодных пустынь,
Случилось, в одной из голодных пустынь,
Обессиленный, жаркой жаждой томясь,
Страдал он в одной из безводных пустынь.

Безумели люди, судьбы устрашась,
Умирили, с отчизной в мыслях простясь,
Молили аллаха о капле воды, —
Кто роптал, кто молчал, нужде покорясь.

Под Искандером пал конь, не снес беды.
Рука опустила ремни узды.
Обнял Искандер шею друга коня,
Поднялся, вдруг видит: словно луч звезды.

Он идет на луч, но в замену огня
Там струится ручей, прохладой маня.
Губами припал Искандер к роднику —
Освежала уста и душу струя.

Поварам он велел в ручей положить
Копченую рыбу, от пыли отмыть, —
Иной стала рыба, прекрасной на вкус,
Лишь успела вода ее освежить.

Искандер сказал: «Не встречалось такой
Мне воды, чтоб сравнить мог с этой водой.
Подойдите — и жажды огонь зальем,
И пойдем к истокам воды ключевой.

Несомненно, там край богатый найдем,
Народ покорим, непокорных уьем,
Богатства возьмем и вернемся домой,
Безмерную славу добудем мечом».

И, напившись в ручье, напоив коней,
Продолжали путь, — и прошло много дней.
Шли под звон литавр, в блеске лат
и кольчуг,
И к небу неслись песни трубачей.

Вот достигли горы — грозна, высока.
В ущелье уходит струя родника.
Золотые ворота сверкнули вдруг —
Встают пред ущельем под облака.

Искандер в ворота ударил рукой —
Далеко прокатился звон золотой.
Железная странно немеет рука, —
Ворота стоят нерушимой стеной.

Искандер, не знавший преград никогда,
Искандер, в боях побеждавший всегда,
Всё сокрушавший, ставший слабей травы,
Бессилье узнавший, впал в гнев от стыда.

Часто видишь гнев, где уместней мольбы, —
Искандер стал стучать, стал шатать столбы.
Стал ломиться в ворота, грозно крича:
«Откройте ворота во имя судьбы!»

За воротами гул шагов прозвучал,
Голос сторожа Искандер услышал.
«Не пытайся открыть ворота, стуча,
К аллаху ведуг они», — сторож сказал.

«Я зовусь Искандером — царем царей.
Вся земля покорилась воле моей.
Непристойно владыке владык стоять,
Как просителю, у закрытых дверей!»

— «Хвастовство, о царь, не пристало уму
В этом месте, поверь, не место ему.
Ты завистлив и алчен, мир тебе мал,
Не пытайся расширить его, — к чему?»

— «Шел сюда я не день, не месяц, не год. —
Здесь предел, нет отсюда пути вперед.

Если путь мой к исходу вел моему,
Вручи мне дар, чтоб видел его народ».

— «Многих ты покорил, но не взял всего, —
Вот дар, что ты просишь, прими же его».
И падает сверток сквозь щелку ворот,
Размерами в смокву, не больше того.

Искандер удивился и дар открыл,
Сильней прежнего гнев чело омрачил.
В развернутом свертке увидел он кость, —
Сколько хочешь лежит их на дне могил!

Не постиг он урока своим умом,
Лишь увидел насмешку в даре таком.
Далеко от себя он кость отшвырнул.
«Не шути так глупо, привратник, с царем!»

При царе был мудрейший из мудрецов —
Аристотель, древнейший из мудрецов.
«Эта кость не проста, она — царь костей!» —
Так сказал он, хитрейший из мудрецов.

Он как в книге читал мысли всех людей,
И советам его внимал царь царей.
«Пусть дадут весы: на одну чашу кость,
На другую металл. — и что тяжелей?»

Царь желанье его оглашает вслух.
Обе чаши равны, на одну из двух
Положили всё золото, что нашлось, —
Но в сравнении с костью оно — как пух.

Искандер видит это, он изумлен,
Бросает доспехи на золото он —
Опускается ниже мертвая кость:
Железом был золота груз облегчен.

К мудрецу Искандер вопрос обратил:
«Слишком мало сокровищ я накопил —
Перевесила вес их легкая кость.
Чем перетянуть ее? Кто б рассудил?»

Аристотель нагнулся. земли взял горсть
И посыпал землю мертвую кость,
Чаша с ней поднялась выше той, другой,
Легче стала, чем камышовая трость.

Продолжая о виденном размышлять,
Обратился к мудрейшему царь опять:
«В этом чуде урок, не понятный мне, —
Объясни: как я должен его понять?»

— «Кость — глазничная кость, — таков был
ответ, —
В этом мире сокровищ столь ценных нет,
Чтоб насытиться ими мог алчный взор,
Лишь земля насыщает глаза вполне.

Ненасытность глаз у иных велика,
Всё им мало, хоть мир весь держит рука,
Но умрут они — и для мертвых их глаз
Алмаз и сапфир не ценнее песка.

О владыка, не гневайся, дай сказать!
Золотые ворота нам не сломать.
Хоть знаю, досада твоя глубока,
Здесь предел твоей славы, славней не стать».

Замолчал мудрец, и сказал царь тогда:
«Все дела мои — прах, не стоят труда!
Да судит аллах!» — и пошел на закат,
И войско за ним повернуло туда.

Закончена повесть — недлинный рассказ, —
Поучение в нем найдешь в добрый час.
О влекущийся к славе, не хлопочи:
Ничем не насытит, кто алчен, свой глаз.

Жизнь кратка, поманит — и уже ушла.
Говори, встретив радость, не «есть» — «была»
Если совесть и честь, как товар, продал,
Презренны и слава твоя, и дела.

Ты стяжаешь себе похвалы глупцов,
Окружаешь себя толпою льстецов.
Но на шаг отошел — и осмеян ты, —
«Вот, скажут, бесчестный и сроду таков!»

Ничтожные любят себя похвалить, —
Где достоинства нет, нельзя прикупить!
Говорить о цене своей надо ль тебе?
Если есть в тебе свет, он будет светить.

МАСГУД

Во имя твое, друг аллаха Махмуд,
Начинаю рассказ, и уста не солгут.
Когда был халифом Гарун-аль-Рашид,
Жил в Багдаде достойный жигит Масгуд.

Случилось, из дальней поездки домой
Возвращался Масгуд дорогой глухой.
Вдруг он слышит: на помощь кто-то зовет,
Надрывает гортань бессильной мольбой.

Подъехав, видит: грабит вор старика,
Занеся над сединами сталь клинка.
«Кто б ты ни был, тебя я спасу», — сказал
И стиснул ногами коню он бока.

Но увертлив был вор, изменил кинжал —
И спаситель едва сам жертвой не стал.
Ранен вором Масгуд, старик невредим,
Злодей, побежденный Масгудом, бежал.

Посмотрел старик: кровь Масгуда текла
По виску, где большая рана была,

Подумал: «Добром за добро отплачу,
Это храбрый жигит, ненавистник зла».

«Эй, жигит, я в большом пред тобой долгу!
Но от платы посильной не убегу.
Достоянье мое, мою жизнь ты спас,
Отплачу я тебе, жигит, чем смогу.

Я не важный бай, не вельможа большой,
Не хан, не батыр, человек я простой;
Ты горькую смерть от меня отвратил —
Благодарность моя не уйдет со мной.

Я странник по свету и завтра уйду
Из печальных мест, где попал в беду.
Но в таком-то месте чуть свет жди меня,
На рассвете тебя я там найду.

Иди и наказ мой, о друг, соблюдай,
Во имя творца день грядущий встречай.
Всемогущий аллах да будет с тобой!
Дай обнять тебя, мой спаситель, прощай!»

— «Но заслуга моя не столь велика.
Делу чести служила моя рука.
Тебе помощь нужна была — я помог.
Приду!» — И покинул Масгуд старика.

В свое время пришел куда надо жигит.
Уже старец навстречу ему спешит.
Масгуда к гробнице он древней привел.
Деревцо над гробницей листвою шумит.

Растет деревцо, а пустыня кругом.
Три плода, уже зрелых, висят на нем:
Белый, красный и желтый — снег, кровь и мед.
«Выбирай, как рассудишь в сердце своем.

Если белый съешь плод — будешь всех умней,
Желтый съешь — будешь первым из богачей,
Красный съешь — станешь всем ты женщинам
мил,
Все любви они будут искать твоей».

Над словами старца подумал жигит,
Подумав немного, он так говорит:
«Ни того, что бел, ни другого, что желт,
Дай мне красный съест, что, как яхонт,
горит».

— «Тот иль этот — ты волен сорвать любой,
Не жалел бы потом, что взял не другой.
Однако скажи мне, достойный жигит:
Почему красный плод предпочтен тобой?»

— «Плод белый сперва я подумал сорвать,
Чтоб умнее умных, мудрей мудрых стать;
Но буду ль тогда властелином ума?
Нет, ум станет мною тогда помыкать.

Не найду себе равных я по уму,
А глупцы и невежды мне ни к чему.
И теперь немало их вижу вокруг, —
Тогда же я другом кого назову?

Не сделаешь умным глупца никогда.
Исправлять дураков? Не стоит труда, —
Лишь сон потеряешь, тоску наживешь,
Не пойдет никакая в глотку еда.

Плод желтый потом захотелось мне съест,
Чтоб богатства вселенной всей приобрести.
Но подумал: богаче всех прослыву —
А действительно ль это большая честь?

Богатство поставит меня на виду:
Продают люди силу и красоту,
Лишь только б чужого богатства урвать, —
На их зависть нельзя наложить узду.

Не трудясь богатства искать — это стыд.
И совесть и ум продавать — это стыд.
Бескорыстную дружбу забудь, богач!
На богатство друзей менять — это стыд.

Куплю совесть у многих, лишь плату дам,
С охотой они уподобятся псам;
А не дам ничего, стану сам я псом:
Либо люди все псы, либо пес ты сам.

Так не лучше ли выбрать тот из плодов,
Тот из трех, что женскую даст мне любовь?
Ведь женщин — полмира, их власть велика,
Их любовь драгоценней любых даров.

Наступил тот день, и дождь с неба полил.
Лишился ума, кто в неведение был.
День и ночь на улицах толпы людей —
В спорах, в драках шумят, кричат что есть сил.

Словно пьяными все базары полны,
В безумцев умнейшие превращены.
Визирь и халиф с удивленьем глядят,
За несчастных не в шутку огорчены.

Угозаривать стали они народ
Разойтись по домам, пока срок пройдет:
«Переспите безумия страшный час,
В сне бедный ваш разум лекарство найдет».

Но люди, чей разум утратил узду,
Бесновались, вопя в свирепом бреду:
«И визирь и халиф наш сошли с ума, —
Убьем их, не то заведут нас в беду!»

Их неистовый вопль дворец потрясал
И сердце халифа тревогой сжимал.
Чем ярость безумных убийц удержать?
«Найди выход, визирь!» — халиф приказал.

«За разумность хотят нас глупцы убить, —
Так не лучше ль ума лишиться, чтоб жить?
Омрачился их ум от волшебной воды,
Придется и нам ее, видно, испить».

И налили кружки водой дождевой,
И безумие разделили с толпой.
Теперь, когда стали глупцами они,
Каждый славил их мудрость под крик и вой.

К пощаде взывал, кто им смертью грозил, —
И халиф их простил, и визирь простил.
Так случилось, что сброд лишенных ума
И умных двоих их рассудка лишил.

Вот пример, как всеильна глупость порой.
Не пускай свой ум по дороге чужой.
Не много хорошего приобретешь,
Слепо следуя за безумной толпой.

СКАЗАНИЕ ОБ АЗИМЕ

Есть у Шехерезады рассказ такой,
Изложу его полнозвучной строфой.
Жили братья в Багдаде и звали их
Одного Мустафой, другого Сафой.

Рано умер отец их. Тяжкий удел
Им достался, но каждый из них овладел
Мастерством: Мустафа художником стал,
Вить цветные узоры Сафа умел.

Всех юнцов родные места тяготят,
Захотелось братьям покинуть Багдад.
«Первый, ставший богатым, другого
найдет», —
На прощанье условились с братом брат.

Разбросала их жизнь по разным краям,
Но разлука страшна ль молодым сердцам?
В Шинмашин проводил Сафу Мустафа,
И в Бальсуре обосновался он сам.

Беден был он вначале и одинок,
Но усердно трудился — и вскорости бог

Дал достаток ему, и жену, и дом
И заказчиков много к нему привлек.

Так в труде и довольстве жизнь потекла,
Благосклонна судьба к Мустафе была;
Вскоре сына ему родила жена,
И Азимом нарек младенца мулла.

Время шло. Постепенно мужал Азим.
Отворилась дверь медресе перед ним.
Он премудрость школьную быстро постиг,
Мустафа мог гордиться сыном своим.

Постоянно вникал он в дела отца
И преемником стал ремесла отца.
Не остался нищим Азим, когда
Неожиданно смерть унесла отца.

Рьяно взялся он за работу, и вот
Стал дивиться искусству его народ.
И не стало соперников для него,
Что ни год, то богатство Азима растет.

Как-то в лавку Азима вошел старик
В драгоценном наряде. Солнечный блик
На парче в камнях играл. Азим
Перед гостем почтенным в поклоне поник.

И поклоном ответил старик на поклон,
И, приблизясь к Азиму, так начал он:
«Расскажи чужестранцу, мой сын, в каком
Ремесле иль искусстве ты изощрен?»

И Азим, перед старцем склонив главу,
Отвечал: «Рисовальщиком я слышу,
От отца унаследовав этот дар,
Всем обязан я своему мастерству».

— «Ты не глуп, по ответу судя, но тут
Ни богатство, ни слава тебя не ждут,
Чересчур кропотлива работа твоя,
И не стоит затраты времени труд».

Рассердила Азима речь старика:
«Не позволю посмеиваться свысока
Над моим ремеслом, хоть мой кошелек
Легче, видимо, твоего кошелька».

— «Сожалея тебя, я сказал это. Ведь
Со смекалкой можно быстрее преуспеть.
Я знаком с таинственнойшей из наук —
В слитки золота я превращаю медь».

Что б ты делал, когда бы ее изучил?
Я б не всякому эту науку открыл;
Высока и заманчива сущность ее —
Много денег при малой затрате сил.

Я желаю, как сыну, тебе помочь,
Да и сам я богатство добыть не прочь;
Убедясь в справедливости слов моих,
Сможешь ты сомненья свои превозмочь.

Я держать свое слово всегда привык,
Медь достань — и богатыми станем вмиг...»
Завтра снова в лавке сойтись чуть свет
Сговорились они, и ушел старик.

Удивленным вернулся Азим домой,
Стал расспрашивать мать о науке такой.
«Об алхимии слышать и мне довелось,
Но смётри... — покачала она головой. —

Положи перед странником медный лом;
Если прав он — войдет богатство в наш дом,
Только будь осторожен, мой сын, а вдруг
Чужестранец окажется злым колдуном?»

— «Если бог за меня, то не страшен и вор,
Но попомнит меня старик, если вздор
Обещанье его. Но если он прав,
Глупо будет нарушить наш уговор».

Ночью был беспокоен Азима сон,
Ум его был случаем странным смущен.
Всё же, из дому медь с собой прихватив,
До рассвета отправился в лавку он.

Тут как тут уже был этот старый пес,
Он мехи и уголь с собою принес.
Даже рта открыть он Азиму не дал,
«Где же медь?» — старика был первый
вопрос.

Жадно в руки схватил он меди кусок,
Положил в казанок и огонь разжег.
И когда закипела, расплавясь, медь,
С черной жидкостью он достал пузырек.

Влил он снадобье это в кипящую медь —
И пошло в казанке бурлить и кипеть;
Он взболтнул казанок, и вскоре металл
Стал, остывнув, золотом чистым блестеть.

Протянул он Азиму слиток: «Юнец,
Убедись в моей правоте наконец,
Если кто-нибудь скажет, что это медь,
А не золото, значит — я подлый лжец.

Проверяй! Чтоб тебя не смущать, я уйду.
Если же слово мое будет с правдой в ладу
И меня захочешь увидеть тогда,
То отыщешь неподалеку в саду».

Побежал к торговцам Азим тотчас,
Жгли они кислотою слиток не раз.
«Это чистое золото», — все они
Говорили, выслушав странный рассказ.

За три тысячи триста дильде продать
Удалось этот слиток. Увидела мать
Кучу денег и молвила: «Где же старик?
Надо с честью гостя такого принять».

Быстро к саду Азим направил свой путь;
Не успел он с первой дорожки свернуть,
Как навстречу старик. «Ты был прав, отец,
Гостем нашего дома отныне будь!»

Вынул снова золото странник: «Азим,
Всё мое я отныне считаю твоим,
Вот, возьми, накупи на базаре вин,
За вином мы вечером поговорим.

Но беседовать лучше наедине,
Чтобы мог я быть откровенным вполне.
Пусть отправится в гости мать, а не то
Трудно с тайною будет расстаться мне.

Я приду с наступлением темноты,
До заката со мной расстанешься ты,
Но смотри, чтобы в доме мы были одни,
Иль в надеждах своих обманешься ты».

По базару гулял Азим дотемна,
Накупил там различных яств и вина,
Дома матери всё рассказал, и ушла
Со спокойной душою к соседям она.

Стол уставлен едою, разным вином,
Стол уставлен яствами и серебром.
Никого нет. Легких шагов старика
Ожидает празднично убранный дом.

Вдруг как будто из сумерек он возник,
Неожиданно дверь распахнул старик.
Как родные, они повстречались. Азим
С умилением к груди старика приник.

А старик не сразу уселся за стол,
Со вниманьем он весь дом обошел;
Уважая его осторожность, Азим
Не почувствовал тут обиды укол.

А старик между тем давай болтать,
Он был мастер хитро языком вращать.
Закусили, и, руки оmyв, старик
Предложил за вино приняться опять:

«К отдаленным векам восходят следы
Того, что всегда после сытной еды
Люди пили вино. В привычке такой
Я не вижу, Азим, никакой беды...»

Так всё время старик болтал и болтал,
И за кубком кубок он поднимал,
Он разматывал ловко беседы клубок...
Третий кубок Азим уже осушал.

Был привычен веселый старик к вину,
Но Азима клонило уже ко сну.
Тут старик незаметно ему в вино
Влил какой-то жидкости каплю одну.

Час полночный меж тем уже наступил,
А старик, развлекая Азима, шутил.
Чуть снотворного зелья Азим хлебнул,
Как тотчас же на пол свалился без сил.

А старик только этого ждал давно,
Свистнул громко. И с гробом влезли в окно
Пять жигитов. Азима впахнули в гроб,
Торопясь исчезнуть, покуда темно.

Злодеянием не был смущен ничуть
Злой старик. Поспешив все двери замкнуть,
Он оставил пустой и безмолвный дом,
За жигитами вслед направив свой путь.

В камышах, на волне колыхаясь слегка,
Надежный корабль ожидал старика.
Был на палубу брошен Азим, и уже
Берег еле стал виден издалека.

Тридцать храбрых жигитов корабль вели,
Поутру он далеко был от земли...
Долго дома Азима искала мать,
По щекам ее долго слезы текли.

Только к полудню очнулся Азим. Взамен
Кровли дома — перед ним из бревенчатых стен
Тюрьма. Скован он по рукам и ногам.
Стало ясно: попал он к разбойникам в плен.

Приподнялся Азим, цепями звеня,
Увидел старика и, его кляня,
Закричал: «Как смел ты так поступить?
По какому праву похитил меня?»

— «Положи разговорам пустым конец,
Не одной мы с тобою веры, юнец:
Я огню поклоняюсь; коль примешь и ты
Эту веру — невзгодам твоим конец.

Если ж нет — мольбою меня не томи,
По сто раз будешь в день наказан плетьюми.
Не отступишься ты от веры своей —
Кандалами, злосчастный, всю жизнь греми».

И Азим отвечал: «Как же я изменю
Вере отчей? Мне ль поклоняться огню?
Я за правое дело готов страдать,
Тверд душою буду, подобно кремню!»

Подбежали внезапно несколько слуг
И Азима избили. Жалобный звук
С губ его не сорвался ни разу, хотя
Потерял страдалец сознание от мук.

Был прогневан делами злыми аллах.
Грянул гром. Закачало корабль на волнах,
И закованный юноша был забыт,
Обуял нечестивцев ужас и страх.

И в тревоге всю ночь не смыкали глаз
Тридцать бодрых рабов. Но что ни час
Свирепел ураган, и к утру уже
Дух надежды в бесстрашных сердцах угас.

И собрали жигиты тогда совет:
«Неужели от смерти спасенья нет?»
К старику подступили: «Эй, старый пес,
Ты за это нам должен дать ответ!

Вот, старик, твоих злодеяний плоды!
Как бы ни были наши сердца тверды,
Даже их устрашает аллаха гнев;
Как избавиться нам от страшной беды?

Есть один только выход, старый злодей:
Ты Азима тотчас избавь от цепей
И пощады проси у него. Не то
Станешь жертвой акул в глубинах морей!»

Был запуган словами этими плут,
Растерялся, не зная, как быть ему тут,
Но, увидев хмурые лица вокруг,
Он тотчас же избавил Азима от пут.

«Я тебя оскорбил, потому что был пьян,
Ты, Азим, в сыновья мне аллахом дан», —
Так сквозь слезы твердил Азиму старик,
В хитром сердце лелея новый обман.

И очистили от потрохов нутро,
Чтобы было просторно в брюхе пустом.

А затем Азиму старик приказал:
«Вот веревка тебе, мой сын, и кинжал,
Спрячься в брюхе верблюжьем и смиренно жди,
Чтоб с Кап-Тау двуглавый орел упал.

Он когтями вонзится в падаль, и с ней
Он взлетит на вершину, ветра быстрее;
Смело шкуру кинжалом тогда распори,
И орел улетит, он страшится людей.

А вершина горы усеяна сплошь
Вязкой мелкой землей. Ты ею набьешь
Плотнее мешок и опустишь вниз
На веревке этой; потом подождешь,

Пока я его отвезу, а сам
Привяжешь покрепче веревку к камням
И с вершины сползешь, за нее держась.
Только так достанется снадобье нам».

Заучив слова старика на зубок,
Взял Азим веревку, кинжал и мешок.
На прощанье хитрец еще говорит:
«Ты исполни всё, как сказал я, сынок».

«На земле каких не бывает чудес;
Всё, что с нами вершится, — воля небес;
Отступать уже поздно, — решил Азим, —
Будь что будет» — и в брюхо верблюжье полез.

Шкуру толстую хитрый старик зашил
И в пещере укрылся. Орлиных крыл
Тут послышались взмахи. Падаль схватив,
В поднебесье с добычею хищник взмыл.

Чуть Азим под ногами почву обрел,
Он верблюжье брюхо тотчас распорол;
Отлетев от добычи, сел в стороне,
Испугавшись Азима, хищный орел.

И достигнув легко вершины горы,
И наполнив мешок свой глиной с горы,
Обвязал его крепко Азим и стал
Опускать на веревке длинной с горы.

Но едва земли коснулся мешок,
Как, схватив его жадно, бежать со всех ног
Пустился проклятый старик; заодно
И веревку с собою он уволок.

Но не понял юноша замыслов злых,
Крикнул: «Как же я слезу со скал крутых?»
— «Много жертв безрассудства на этой горе
Я оставил; ты тоже одна из них», —

Убегая, крикнул предатель в ответ.
«На его возвращенье надежды нет», —
Подумал Азим. По скалам бродя,
Он искал хоть какой-нибудь тропки след.

Но, увы, был с горы заповедан путь.
Всё же страх не терзал Азима ничуть.

Он какие-то фрукты нашел, поел,
«Будь что будет», — решил и прилег отдохнуть.

Солнце село. Азим проспал дотемна,
Вдруг, очнувшись, он видит: вершина полна
Сонмом страшных чудовищ. Надо бежать,
Но не в силах Азим очнуться от сна.

Но внезапно, потрянув сновиденья власть,
Над собою он видит драконью пасть,
Чтоб не быть проглоченным в тот же миг,
Он решил на дракона с кинжалом напасть.

Оросив драконовой кровью кинжал,
Быстро юноша в сторону отбежал,
И, взобравшись на дерево, росшее тут,
Он в зеленой листве эту ночь проспал.

На рассвете проснувшись, увидел он,
Что покинули чудища горный склон
И только один неподвижно лежит
Сраженный кинжалом Азима дракон.

«Наверно, и этот почуял бы страх
Пред солнечным светом и скрылся в горах,
Когда б не подох», — так подумал Азим
И к дракону подполз с кинжалом в руках.

Велико было юноши торжество,
Когда он убедился в том, что мертво
Поганое тело. Кинжалом своим
На ремни он разрезал кожу его.

Не ленился Азим, не лежал в тени,
Целый день он вязал и сплетал ремни;
И когда он к вершине их привязал —
До подошвы горы протянулись они.

Высока и скалиста была гора,
Но Азим не раздумывал: «Что же, пора...»
Слез с горы, вышел к речке он и пошел
Той дорогой, которою ехал вчера.

Утоляя голод и жажду водой,
Дня четыре он шел; вдруг пред ним золотой
Замок вырос. Такому чуду дивясь,
Он направился к замку с отважной душой.

Распахнул ворота дворца молодец,
Обошел все покои. Огромный дворец
Был безлюден и пуст. Удивленный Азим
В зал последний вошел, и там наконец

Двух красавиц узрел он. Красавиц таких
Никогда не встречал он в краях родных.
В шашки обе играли, и долго Азим,
Стоя сбоку, следил за игрою их.

Но когда наконец он замечен был,
Он вопросом таким привлечен был:
«Отчего ты с пройдохой связался, жигит,
И, рассудок утратив, беспечен был?»

Без утайки всё рассказал им Азим,
Все скитанья свои он поведал им,

И прекрасных слушательниц сердца
Он растрогал правдивым рассказом своим.

И когда был окончен печальный рассказ,
Струи слез текли у красавиц из глаз.
И сказали они: «Точно брата, тебя
Полюбить мы успели. Останься у нас».

— «Будь по-вашему, сестры мои, вдвойне
Быть вам другом и братом приятно мне,
Но должны вы меня отпустить, когда
По родимой соскучусь я стороне».

ПРИМЕЧАНИЯ

— «Знай, Азим, что обетом связал нас бог.
От каких бы страданий ни изнемог,
Оставаясь с нами, терпи — и тогда
Ты вернешься домой в назначенный срок.

· Не возлюбленным нашим, а братом будь,
Дружбу в сердце твое мы хотим вдохнуть.
А когда наступит разлуки пора,
Снарядим тебя обе в обратный путь».

Быть друзьями всегда решили они,
Клятву дали в том без усилий они,
Затаенные мысли и чувства свои
Друг от друга тогда не скрыли они.

Дни идут. Посвежел и окреп Азим,
Всё, что видел он в замке, считал своим.
И куда бы ни захотел он пойти —
Двери замка распахнуты перед ним...

При жизни Абая и после смерти (до 1909 г.) его произведения распространялись в рукописных сборниках. Первая публикация произведений поэта была осуществлена его племянником Какитаем Исхаковым в 1909 г., в Петербурге. В 1917 г. под редакцией Нуржанова в Оренбурге были напечатаны «Избранные стихи» Абая.

В советское время на казахском языке произведения поэта не раз переиздавались. Каждое последующее издание пополнялось вновь найденными произведениями.

На русском языке первые публикации некоторых стихотворений Абая появились в 1914 г. в «Восточном сборнике в честь А. Н. Веселовского».

Первая книга стихов поэта на русском языке вышла в 1936 г. в переводе Вс. Рождественского. Настоящее издание — шестое.

Демократичность взглядов казахского поэта, художественное мастерство и высокая идейность его произведений близки и понятны русским советским поэтам. Знаменательно, что Абая переводили и переводят многие известные поэты, такие, как А. Глоба, Д. Бродский, В. Звягинцева, М. Зенкевич, Л. Озеров, С. Липкин, Вс. Рождественский, П. Шубин, М. Луконин, М. Петровых

и многие другие. Имеется по несколько вариантов перевода одного и того же стихотворения Абая. И каждый новый перевод вносит нечто новое в историю перевода с казахского языка на русский.

Однако передать содержание произведений Абая, отражающее исторические особенности жизни казахов прошлого столетия, национальный колорит, его поэтику, — задача в достаточной мере сложная. Особую же трудность для переводчиков представляет вопрос выбора метра, адекватности стиха перевода стиху оригинала. Добиться совершенного совпадения ритмического рисунка оригинала (по характеру силлабического) и перевода (имеющего формы силлабо-тонического и тонического стиха) невозможно, а потому проблему перевода стихов Абая на русский язык все еще нельзя считать окончательно и полностью решенной, несмотря на целый ряд удач в этой области.

Основным источником текста для этого издания избранных произведений Абая послужил анотомник «Абай Кунанбаев, Стихотворения. Поэмы. Проза» (М., 1954), в котором наиболее полно представлено на русском языке литературное наследие великого казахского поэта.

В настоящий сборник вошло около 90 стихотворений и три поэмы. Наряду с переводами уже публиковавшимися, осуществленными С. Липкиным, Вс. Рождественским, М. Петровых, П. Шубиным, П. Карабаном, М. Зенкевичем, А. Глобой и другими, читатель встретится здесь и с новыми пе-

реводами, сделанными С. Ботвинником, А. Жовтисом, М. Касаткиным и Г. Пагиревым.

Принцип расположения стихотворений в сборнике хронологический. Поэмы выделены в особый раздел.

Примечания к отдельным произведениям Абая содержат реальный комментарий.

В русских переводах иногда сохраняются казахские слова, выражающие этнографические, географические и бытовые понятия. Они объяснены в специальном словаре, помещенном после примечаний.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Всадник с беркутом скачет в ранних снегах...». *«Захвати в добычу три косяка!»* — казахское выражение, означающее желание хорошей охоты.

«Бай живет и охраняет свой скот...». *Полет воды Иртыша* — т. е. побывает в Семипалатинске (с доносом).

«О, помоги к стопам твоим...». *Аргыцы, найманцы* — название казахских родов.

Кожекбай. *Кожекбай* Жамантаев (1847—1916) — современник Абая. *Тобыкты* — наименование одного из казахских родов; к нему принадлежал и сам Абай.

«Если умер близкий—скорбен человек...». *Шортамбай* Канаев (1808—1871) — поэт «Зар-заман» («эпохи скорби»), выступивший в своих произведениях против присоединения Казахстана к России. *Бухар-Жирау* Калмаканов (1693—1787) — придворный акын хана Аблая, сторонник его завоевательной политики. *Дулат* Бабатаев (1802—1874) — поэт реакционного направления, защитник феодальной идеологии.

Осень. *Будь ты проклят, обычай глухой старины, Что мешает нам в юртах огонь развести!* Глубокой осенью, в тот период, когда еще не очень холодно и жить можно в юртах, а не в кибитках, казахи воздерживались от разведения огня в юртах во избежание лишнего чада и копоты.

Кулембая. *Кулембай* Базамбаев — современник Абая. В 1888 г. был избран волостным управителем.

«Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!...». *И для ребенка нет костра* — см. примеч. к стих. «Осень».

Зима. *Кондыбай и Конай*. Именами этих людей назывался один из бедных кочевых аулов, расположенных в урочищах Чингизских гор, который предоставлял свои пастбища соседним богатым аулам.

«Мне боль ученье несет...» *Четвертых в Мекку влечет*. Паломничество, так называемый «хадж», в Мекку в определенное время года и совершение там соответствующих религиозных обрядов считается одной из обязанностей мусульман, достигших совершеннолетия. Так как это было связано с большими материальными затратами, то естественно, что не каждый мусульманин мог совершить паломничество в Мекку.

Оспану. *Оспан* Кунанбаев (1851—1891) — младший брат Абая.

Соболезнование невестке моей, жене *Абдрахмана*. *Абдрахман* Кунанбаев (1868—1895) — второй сын Абая от его первой жены Дильды. Он окончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге и служил в звании поручика. Умер от туберкулеза, 27 лет от роду. *Магиш* (Магрифа) — его жена.

ПОЭМЫ

Искандер. *Искандер* — Александр Македонский (356—323 до н. э.). Его завоевательные походы были прославлены классиками литературы Ближнего Востока: Фирдоуси, Низами, Джамии и Навои. *Филипп* — македонский царь Филипп II (382—336 до н. э.), отец Александра. *Аристотель* (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ, воспитатель Александра Македонского.

Масгуд. *Махмуд* (Мухаммед) — мусульманский пророк. *Гарун-аль-Рашид* или Гарун-ар-Рашид — известный арабский халиф из династии Абасидов (786—809), прославленный сказками «Тысячи и одной ночи».

Сказание об Азиме. *Двери замка распахнуты перед ним* — этими словами обрывается поэма. Неизвестно, была ли она закончена Абаем. Возможно, что конец поэмы был утрачен и до нас не дошел.

СЛОВАРЬ

- Айран* — кислое молоко, простокваша.
Аксакал — буквально: бедобородый; уважаемое лицо, почтительное обращение к старшему.
- Баит* (или бейт) — двустипие, основная единица стиха в поэзии Ближнего Востока. Она зародилась в арабской поэзии на основе монорифмы.
- Бай* — феодал, богач.
- Байбише* — старшая жена в полигамной семье; почтительное обращение к пожилой женщине.
- Байга* — скачки на конях, вид спортивной игры.
- Барымта* — угон скота вооруженной силой.
- Батыр* — богатырь.
- Бет-ашар* — буквально: открывание лица; обрядовая, свадебная песня, которую поют, когда снимают с лица невесты покрывало, знакомя ее с родственниками мужа.
- Бий* — правитель и старейшина рода, родовой судья.
- Визир* (или визирь) — в некоторых странах Востока министр, высший сановник.
- Волостной* — по-казахски *болыс*, глава или управитель волости, административно-терри-

торнальной единицы, куда входило от 1000 до 2000 хозяйств.

Джайляу — летнее пастбище.

Див (миф.) — чудовище, демон, губящий людей.

Дильда (или тилла) — название персидской золотой монеты.

Домбра — национальный двухструнный музыкальный инструмент.

Жар-жар — буквально: друг-супруг; обрядовая, свадебная песня-состязание. Ее поют обычно две группы молодежи: мужская, возглавляемая женихом, женская — невестой.

Жатаки — обедневшие кочевники, бедняки; оседлое население.

Жигит — джигит; парень, юноша.

Имам — мусульманский владыка, соединяющий в своем лице светскую и духовную власть; духовное лицо магометанской религии, прославившееся своими творениями и толкованиями священных книг.

Ишан — духовное лицо у мусульман.

Кереге — решетчатый остов юрты.

Клобучок — наглазник в виде шапочки, которая надевалась на ловчую птицу.

Кнаменде — свадебно-обрядовая песня.

Курай — сухой бурьян с твердым стеблем. Кочевники использовали его в качестве топлива.

Малахай — мужской головной убор в виде шапки, отороченной мехом.

Медресе — мусульманская духовная школа.

Саба — бурдюк для заквашивания кумыса.

Семей — г. Семипалатинск.

Сотенный — выборщик, избиратель, выдвигавшийся от каждых пяти-десяти хозяйств, имевший право участвовать в выборе волостного управителя. В тексте у Абая — «елубасы», т. е. пятидесятник.

Старшина — глава аула как административного подразделения волости, состоящего из 120—200 хозяйств.

Той — пир, празднество.

Тулпар — скакун; легендарный боевой конь.

Уездный — начальник уезда (как правило из офицеров). Семипалатинская область делилась на 4 уезда.

Чапан — мужская верхняя одежда, разновидность халата.

Шариат — собрание гражданских и церковных законов, основанных на Коране.

Шильдехана — празднество, посвященное рождению ребенка.

Шоллы — украшения из серебряных монет, вплетаемые в косы.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АБАЯ КУНАНБАЕВА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Абай Кунанбаев, Избранные стихи. Перевод с казахского Вс. Рождественского, Алма-Ата, 1936.
- Абай Кунанбаев, Лирика и поэмы. Под ред. Л. Соболева. Вступительное слово М. Ауэзова, М., 1940.
- Абай Кунанбаев, Избранное. Под ред. Л. Соболева. Предисловие М. Ауэзова, Алма-Ата, 1949.
- Абай Кунанбаев, Стихотворения. Поэмы. Проза, Москва, 1954.
- Абай Кунанбаев, Избранное, Алма-Ата, 1958.

СОДЕРЖАНИЕ¹

- Абай Кунанбаев. *Вступительная статья*
Г. Камбарбаевой 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

- «О сердце, свой жар остуди...». *Перевод*
С. Липкина 45
- «Всадник с беркутом скачет в ранних
снегах...». *Перевод С. Липкина* . . . 49 277
- «Словно месяц, изогнутый в небе ноч-
ном...». *Перевод Вс. Рождествен-*
ского 52
- «Я не думал о знаньи, как был моло-
дым...». *Перевод Вс. Рождествен-*
ского 54
- «Вот и старость. Скорбны думы, чуток
сон...». *Перевод Д. Бродского* 55
- «Жизнь уходит, и сбываются мечтам не
дано...». *Перевод А. Гатова* 58
- «О казахи мои! Мой бедный народ!...». *Перевод*
С. Липкина 60

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

«Бай живет и охраняет свой скот...». <i>Перевод М. Зенкевича</i>	62 277
«У заблудшего, известно, все дороги позади...». <i>Перевод Г. Пагирева</i>	63
«Только юность одна — жизни счастливый цвет...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	65
«О, помоги к стопам твоим...». <i>Перевод В. Бугаевского</i>	67 277
«Каждый за товаром едет на базар...». <i>Перевод Л. Шифферса</i>	68
«Пока не знаешь — молчи...». <i>Перевод М. Петровых</i>	69
Лето. <i>Перевод А. Жовтиса</i>	72
«В приютской школе много вас...». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	74
«Бестолково учась, я жизнь прозевал...». <i>Перевод А. Штейнберга</i>	77
Кожекбаю. <i>Перевод П. Карабана</i>	79 277
«Стих — это вождь среди слов, ценнейший их убор...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	86
«Если умер близкий — скорбен человек...». <i>Перевод П. Карабана</i>	89 278
Осень. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	91 278
Кулембаю. <i>Перевод А. Жовтиса</i>	93 278
«Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора! . . .». <i>Перевод П. Шубина</i>	94 278
Зима. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	96 278
«Свет луны прорезает мрак...». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	98

«Нет жизни у меня в груди...». <i>Перевод А. Гатова</i>	99
«Вот и выбран я волостным...». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	101
«Управитель начальству рад...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	107
«Да будет слово мудреца...». <i>Перевод П. Карабана</i>	110
Восьмистишия. <i>Перевод М. Касаткина</i>	112
«Коль свет горит в твоей душе...». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	120
«Я стихов не пишу для забав людских...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	122
«Острым разум чист, словно пласт ледяной...». <i>Перевод А. Штейнберга</i>	124
«Две дороги — любовь и страсть — предо мной...». <i>Перевод А. Штейнберга</i>	125
«Дух унижен мой...». <i>Перевод А. Глобы</i>	126
«Ах, что за жребий ждет меня! . . .». <i>Перевод Д. Бродского</i>	128
«Шлю, тонкобровая, привет! . . .». <i>Перевод П. Шубина</i>	132
«Своим письмом к себе маня...». <i>Перевод П. Шубина</i>	134
«Вдоль спины заплетенные косы лежат...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	137
«Друга стойкого среди людей...». <i>Перевод М. Касаткина</i>	138
«Где ж ты, пламя юности моей? . . .». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	140

«Век моя душа не расцветет...». <i>Перевод М. Замаховской</i>	142
«Тулпара не обгонит конь простой...». <i>Перевод М. Замаховской</i>	143
«Не продохнуть...». <i>Перевод Д. Бродского</i>	144
«Дорогой долгой жизнь водила...». <i>Перевод Л. Озерова</i>	146
«Всем пресытиться может душа...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	149
«О любви, душа, молишь вновь...». <i>Перевод М. Петровых</i>	151
Весна. <i>Перевод П. Шубина</i>	152
«Я не встречал...». <i>Перевод А. Жовтиса</i>	155
«Взнуздав коней...». <i>Перевод А. Жовтиса</i>	158
«Он не думает, не видит...». <i>Перевод А. Гатова</i>	160
«В те дни у тебя юных лет огонь...». <i>Перевод М. Касаткина</i>	162
«На щеках у них лед и жар...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	165
«Ты — зрачок глаз моих...». <i>Перевод М. Петровых</i>	167
«Я гордо презирал невежество и тьму...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	171
«Что ты ждешь, душа, что ты ищешь?». <i>Перевод М. Касаткина</i>	173
«Сердце, не бойся тяжко в груди!...». <i>Перевод М. Касаткина</i>	175
«Мне боль ученье несет...». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	176 279

Оспану. <i>Перевод А. Штейнберга</i>	179 279
«Холод, жар... Молод, стар...». <i>Перевод М. Петровых</i>	180
«Здесь добро забывается скоро...». <i>Перевод М. Касаткина</i>	181
«Вот и осень моя подошла...». <i>Перевод Г. Пагирева</i>	183
Язык любви. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	185
«Будь разборчив в пути своем...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	186
«Я много мудрых слов сказал до этих пор...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	188
«О жирной еде помышляет голодный живот...». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	189
«Умерло детство — а ты не знал?». <i>Перевод А. Глобы</i>	191
«Когда баран войдет в ручей, воде жирней не стать...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	192
«Прах мой истлеет, но сам не исчезну я, нет...». <i>Перевод М. Касаткина</i>	194
Соболезнование невестке моей, жене Абдрахмана. <i>Перевод М. Петровых</i>	195 279
Оплакивание Абдрахмана его женой Магиш. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	198
«Стяжателью одно лишь тешит душу — скот...». <i>Перевод О. Румера</i>	204
«Чужим я чувствую себя средь стариков...». <i>Перевод О. Румера</i>	205

«Красотка девушка у хана жила...». <i>Перевод М. Петровых</i>	206
«Весь мир эта песнь облетит кругом...». <i>Перевод М. Касаткина</i>	208
«Час улыбнется иль миг такой...». <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	210
«Грядущее скрыто туманом от нас...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	212
«Грубый крик, рев осла...». <i>Перевод М. Петровых</i>	214
«Сроки дней своих знает ли трава...». <i>Перевод М. Касаткина</i>	215
«Красивой песней под струнный звон...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	216
«Разрознен мой родной народ...». <i>Перевод П. Карабана</i>	218
«О порыв души огневой...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	220
«Разве не должен я, мертвый, глиной стать?». <i>Перевод М. Тарловского</i>	221
«Если мысль за волею вслед...». <i>Перевод А. Штейнберга</i>	223
«Позабуду ли юность я?». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	224
«На сорок лоскутьев тоскою...». <i>Перевод М. Петровых</i>	225
«Человек — мешок для мяса и костей...». <i>Перевод А. Глобы</i>	226
«Собаку я выкормил из щенка...». <i>Перевод А. Жовтиса</i>	227
«Одинокое, не ищи...». <i>Перевод А. Штейнберга</i>	228

«Когда станет длинною тень...». <i>Перевод А. Глобы</i>	230
«Я надеялся — листья надежды желты...». <i>Перевод А. Глобы</i>	232
«Кумыс — казаха питье...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	233
«Ангел молнии, Рагит...». <i>Перевод Л. Озерова</i>	235
«Домбры не трогай рукой...». <i>Перевод А. Жовтиса</i>	236
«Пахаря славный труд хорош...». <i>Перевод А. Жовтиса</i>	238

ПОЭМЫ

Искандер. <i>Перевод А. Глобы</i>	241 279
Масгуд. <i>Перевод А. Глобы</i>	248 280
Сказание об Азиме. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	256 280
Примечания	273
Словарь	281
Основные издания произведений Абая Кунанбаева на русском языке	284

Абай

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1966
292 стр. Тем. план вып. 1966, № 424

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *Л. С. Хижинский*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 27/XII 1965 г. Подписано
в печать 22/IV 1966 г. М 26714. Бумага
84×108^{1/4}, № 2. Печ. л. 4^{3/16} (7,72). Уч.-изд.
л. 8,04. Тираж 20 000 экз. Заказ № 225.
Цена 36 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполи-
графпрома Комитета по печати при Со-
вете Министров СССР. Красная ул., 1/3

